

ОЛЕГ ВЕРЕЩАГИН

ОЧИЩЕНИЕ

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Олег Верещагин

Очищение

«ЭКСМО»

2015

Верещагин О. Н.

Очищение / О. Н. Верещагин — «Эксмо», 2015 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

Что делать офицеру русской морской пехоты, когда понятия присяги, службы Отечеству, верности долгу потеряли всякий смысл? Когда исчезло и само Отечество, вместе с остальным миром сожженное в пламени термоядерного пожара? Николай Романов пережил глобальный апокалипсис во Владивостоке и думал, что никогда уже не возьмется за оружие... Но Романову пришлось не только вспомнить, кто он такой, но и возглавить добровольческую Русскую Армию – единственную силу в мире, способную противостоять хаосу...

© Верещагин О. Н., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Место первое	6
Место второе	11
Предварение	16
Владивосток	41
Глава 1	41
Глава 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Олег Верещагин

Очищение

*Посвящается Ярославу Воскоенко и всем бойцам отряда «Юная
самооборона» —*

ЖИВЫМ И ПАВШИМ

*...Детский садик кончился, детям пора в школу,
Лишние интеллигенты поросли травой.
Разбудили Герцена, пили Coca-Cola,
А в итоге поле проросло войной...
Симулякры не спасут, мертвецам не молятся,
И за телевизор выйдет плата по счетам.
Раз пошла такая пьянка — смертью за околицу,
Даже сам Шварценеггер не поможет вам!
Где гуляет Disco-бар, завтра будет кладбище,
Так бывает... не беда, лишь бы хлеба росли.
Лишь бы были дети, те, что на мировом пожарище
Для новых храмов и домов отбивали кирпичи.*

А. Непомнящий. Веселая славянофильская

© Верещагин О., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

День последний. По старому счету – 27 мая 20** от Р. Х

*Земле стало душно, и камням тесно.
С облаков и стен позолота сползла.
Серая крыса
с хвостом железным
Из самого черного вышла угла.
И – вспыхнуло все.
И люди забыли,
Кто и когда их назвал людьми.
Статуи ладонями лица закрыли.
Никто не ушел.
Никто.
Аминь.
Н. Тихонов. Крыса*

Место первое

Москва. Два человека

Они были практически ровесниками, эти два смотревших друг на друга человека.

Один, облаченный в неброский дорогой костюм, сидел в напряженной позе за столом в комнате, по-деловому обставленной. Ничто не говорило о том, что над его головой – две сотни метров природного грунта и камня, многочисленные сверхпрочные перекрытия и еще пять ярусов коридоров. Каждый из ярусов представлял собой, в сущности, маленькую автономную крепость с отличной защитой.

Другой смотрел на него с большого экрана связи – седой, коротко стриженный, в старой, почти нелепой повседневной форме капитана Советской армии. На груди кителя табачного цвета скромно сгруппировалось в четкий строй несколько планок «старых» наград.

«Странно, – подумал человек в костюме. – Почему он в этой форме? Он ведь уже несколько лет как генерал-лейтенант...» Потом он понял наконец – **почему**, и понял еще, что весь их разговор, начавшийся три минуты назад, не имеет смысла. Изначально не имеет смысла. Совсем. Понимание это окатило ледяной волной смертельного ужаса, но внешне ему удалось сохранить спокойствие. Полное. Может быть, все-таки позвать психолога-переговорщика? Но человек на экране предупредил, что разговор будет только с ним. С ним одним. И он не шутил, и в нем не было ничего от тех истеричных личностей – как бы они себя ни именовали, политиками ли, шахидами, идеологами, – которых может уболтать сколь угодно талантливый психолог. Да и о чем переговорщик будет говорить с человеком на экране, если все уже кончено? Еще до начала вызова?

Форма капитана Советской армии подтверждала это. Собственно, человек в костюме даже не очень хорошо понимал, зачем он еще ведет этот разговор. Это ведь даже не соломинка, за которую хватается утопающий...

– Прекратите. – Невзирая на отвлекающие мысли, голос человека в костюме был резок и сух, хотя и негромок. Голос того, кто привык к подчинению и умеет его добиваться. – Я не знаю, как вам это удалось, но я требую...

– Вы не можете ничего требовать, потому что ничего в этом деле уже не контролируете. – Голос человека с экрана тоже был спокоен, чуть хрипловат, словно бы сорван с детства, но –

решителен. – А мы – контролируем и не собираемся ничего прекращать. Да уже и не можем. Запуски идут. Отовсюду, даже оттуда, где мы ничего не планировали и не брали под контроль. Это уже как цепная реакция. Посмотрите сами, у вас не может не быть карты.

Карта была. Да. На еще одном экране, справа за спиной. Но человек в костюме боялся смотреть туда и старался не слушать истошного звона и гудения сразу нескольких телефонных аппаратов и звонких отрывистых щелчков селектора внешней связи. Для него сейчас существовал лишь человек на экране – казалось, что еще как-то можно его убедить, успокоить... если не смотреть на карту. Это как чтение приговора. Пока он не прочитан – можно еще во что-то верить и на что-то надеяться.

«Неужели они сделали это? – с ужасом, сохраняя каменно-суровое лицо, подумал человек в костюме. – Они правда сделали это. Как же я упустил... недоглядел... и эти сумасшедшие...» А ему-то казалось, что верха надежно зачищены, и судорожные, опасливые действия армии в последние недели вроде бы подтверждали это...

Его взгляд упал на разложенные по столу листки свежих указов. Только что подписанных, практически еще пахнущих чернилами. Их содержание знали всего несколько человек на Земле, в том числе и он. И он осознавал, что этими указами... Но лучше распад Федерации, чем глобальная ядерная война! Разве нет?!

Он стоял перед выбором... и он спас мир, прекратил вяло тянувшийся уже несколько месяцев конфликт... да и Россию он спас, ведь так?! Пусть и не всю, пусть и... но – спас! А эти...

«Не лги себе, – неожиданно подумал он. – Ты не спасал ничего, кроме своего кресла и куска власти. «Мне хватит» – вот как ты думал. Ты все сделал бездарно. С того самого момента, как в конце зимы начались первые стычки на Кавказе и на юго-западе в Причерноморье. Грозная риторика сочеталась с вялыми действиями. Игра в поддавки. Приглашение к совместному сексу, ха-ха. Да, это с самого начала было игрой в поддавки. Ты устал от страха, ответственности, риска, проблем – и только и думал, как половчей сдать на хранение в чужие... враждебные, не просто чужие... руки этот груз... **Россию**».

– О! Вижу. Опомнились. Стартуют первые ответные, – послышался голос с экрана, и человек в костюме дернулся, как от удара током. – Телефон у вас, я думаю, уже плавится...

– Вы-то на что надеетесь?! – Его вопрос свидетельствовал о прорвавшейся таки злости. – На вас же первых...

– Ни на что. – В голосе человека с экрана прозвучало искреннее и даже испуганное какое-то удивление. – Вы что, всерьез думаете, что **можно начать такое – и позволить себе остаться жить?!**

«Я бы остался», – снова ясно и безжалостно подумал хозяин кабинета. А человек с экрана продолжал говорить:

– Да и не кончено еще ничего. Кстати, уведомляю вас – Черноморский флот вашему приказу не подчинится. Десантная эскадра миротворцев будет встречена... Как положено, в общем, будет встречена. Как от предков и по уставу завещано, а не как «рекомендовано». Они этого не ждут, и достанется им в день встречи по полной; если бы история продолжала свой обычный ход, этот день стал бы еще одним днем русской воинской славы, честное слово! – Он яростно и весело сузил на миг глаза. – Да и в других местах теперь каждый будет решать сам. А ни ваши приказы, ни мои пожелания уже не будут иметь значения к этому моменту. И кроме того... очень скоро приглашенным вами надзирателям станет совсем не до оккупации. Собственно, им уже сейчас не до нее. Все катится по инерции... надо же, тут и Пакистан с Индией сцепились. – В голосе был отстраненный интерес, он явно рассматривал что-то, что не было видно собеседнику в кабинете. – И Китай... хм, а у Израиля ракет-то... вот ведь запасливые. Ну как есть жида. А вот и Иран... Не думаю, что у них много, но Земле обетованной много и не надо...

В кабинете стало почти тихо. Теперь звонил – звонил бесконечно – только один телефон. Тот самый. Главный. «Для получения, понимаешь, указаний» – как, похохатывая, полуворчливо-полушутливо говорил предшественник. Звонил истерично, длинно, и в звонке были последние пароксизмы надежды.

Человек в костюме вдруг представил себе улицы города, в котором находился. Города наверху. Представил себе лица детей. Именно детей. На последнем звонке во вполне обычной московской школе, где он был недавно. По аналогии с этим звонком. Тоже – **последним**...

«...Восемь минут. Нет, уже меньше. Три, наверное. Или – и вовсе две?!»

В эту секунду им овладело обычное человеческое чувство, чистое и сильное, – такого он не позволял себе уже много-много лет. Ему стало жалко – до слез, до удушья жалко детей, лица которых он вспомнил невероятно отчетливо. Полные веселья и смеха, несмотря ни на что.

Через минуты они умрут. Он не думал сейчас ни о договорах, ни о себе, ни о чем – кроме этих лиц живых детей, которые странным и страшным образом были в то же время уже мертвыми. Хотя они играли после школы, готовились к ЕГЭ, просто бездельничали...

«...Три минуты? Нет, точно уже две...»

– Вас проклянут, – тихо сказал человек в костюме. Сейчас его голос не был наигранным. Сейчас его голосом управляли не эмоции, а холодный рассудок политика. Он говорил искренне. – Вы не понимаете, что наделали. Проклянут вас. Проклянут Россию. Проклянут весь наш народ. Вы обрекли сотни миллионов... миллиарды, наверное... На века, на долгие века эти слова – «русский», «Россия» – станут синонимом...

– Подождите, – попросил человек с экрана. Тоже очень простым и усталым голосом. – Постойте. Вы всерьез думаете, что **проклятье тех, кто проклят, чего-то стоит?** Я успел просмотреть сегодняшние новостные ленты. Совет Европы рекомендовал странам – членам ЕС признать педофилию сексуальной ориентацией. Они уже который месяц ведут войну с нами, не желая признать, что ведут эту войну, распикивают по углам своих чопорных и не очень городов новые и новые гробы, затыкают запретами и дискредитациями рты своим любимым журналистам, без суда сажают в психушки родителей погибших солдат и жен погибших офицеров... болтают и болтают об очередной «миротворческой операции на восточноевропейских территориях» – и одновременно у себя дома признают **это** ориентацией. А месяц назад они официально и полностью отменили половые различия. Так сказать, отменили природу декретом; было бы смешно, если бы не было так страшно. Понимаете, завтра они признают каннибализм. Послезавтра официально отменяют любовь к родителям... Потом... я не знаю, у меня просто не хватает фантазии, я старый уже человек, и мой разум недостаточно гибок для такой... моральной акробатики. Но я знаю, что мир, в убийстве которого вы нас обвиняете, давно мертв. Мы, может быть, последняя часть этого мира, где еще теплится остаток нормальной жизни. Этот огонек стараются погасить. Упорно. Больше ничего не замечая, хотя половина суши во власти либо религиозных изуверов, либо откровенных дикарей и садистов. И вы стали пособником в этих попытках погасить наш огонек. Вы запутались и испугались. Вчера вы подписали указ...

– Откуда вам это известно? – перебил собеседника человек в костюме.

Человек на экране покачал насмешливо головой:

– Я могу вам даже фамилии наших информаторов назвать, это уже ничего не изменит... но зачем? Мы до последнего надеялись, что вы переборете свой страх. Тогда был бы шанс – пусть и с огромными потерями – остановить врага, нанести ему одно из тех сокрушительных военных поражений, от которых он отвык и которых боится, переполнить привезенными с Востока гробами улицы его городов, чтобы их стало уже не спрятать, и установить пусть шаткий, но мир. А дальше строить свое под защитой победы. И, может быть, излечить в конечном счете и всю нашу планету. Не только от мерзости, которая поразила мозг... мозг белых людей, но и от иных, не менее опасных, хотя и не столь заметных – пока! – болезней. Но вы разрушили этот шанс, когда сообщили о подписании указа нашим врагам. Сообщили даже до опублико-

вания его в СМИ. Это ведь должно было произойти сегодня вечером? Вы обвиняете в том, что мы убили. Но вы не убили. Нет. Вы отдали на долгую и медленную смерть. На поругание. Хуже – на посмешище. Если для вас это все – просто смешные слова, то для нас – нет. Все еще нет. Лучше бушующий огонь и попытка, почти невероятная попытка начать с чистого листа, чем медленное и постыдное умирание, пусть и в благополучии. Впрочем... благополучия для единиц. Не так ли? – Глаза с экрана словно бы заглянули прямо в душу хозяину кабинета. – Для остальных – гигантские лагеря психологической корректировки? Как в Белоруссии, на Украине, на Балканах и в центральных штатах США? Массовый выпуск радостных граждан нового мира и утилизация тех, кто не может или упрямо не хочет ими становиться?

– Это была единственная возможность... – Человек в костюме говорил с трудом. Он привык и умел лгать, но сейчас ложь обжигала ему горло и язык, на самом деле обжигала, хотя еще полчаса назад он бы только усмехнулся, если б ему сказали, что такое возможно не в глупой книжке. – Условия не так уж тяжелы... Мы даже получим компенсации за разрушенное в последние недели... частичные, но компенсации... – Он поймал себя на том, что говорит обо всем этом в будущем времени, хотя это уже невозможно, он ужаснулся, но по инерции продолжал: – Россия сохранится... пусть и с территориальными потерями... мы могли бы создать истинно русское государство... нам бы позволили... поверьте, я думал о России в первую очередь... – И теперь вдруг понял, что оправдывается, причем глупыми словами, пытаясь понравиться собеседнику, – и замолчал.

– Я верю, – неожиданно сказал человек с экрана. – Верю в то, что вы хотели блага. Мира. Спасения. Просто мы по-разному видим Россию. Мы – люди из разных миров и по-разному смотрим на вещи. И дело не в территориальных потерях, не в смене названия, и не такое бывало в нашей истории – хотя, согласитесь, «Восточноевропейская Российская Конфедерация» звучит достаточно нелепо... – дело в том, **кому** вы собрались сдаваться. Вы сдаетесь не врагу. Вы сдаетесь вампиру. Который высосет нас, последний живой кусочек Земли, а потом все равно подохнет. Потому что не умеет жить, иначе как высасывая чужие жизни. Он не завоеватель, не покоритель, не победитель, даже не разоритель – это все человеческое. **Он просто вампир**... И еще. Вам не надо было за все это браться. Вообще. Россия – не ваш уровень... – Собеседник на экране опустил голову, помолчал устало. Молчал и хозяин кабинета. Потом седая голова поднялась, и человек в костюме поразился – человек на экране грустно и светло улыбался: – Вот и кончено. Мы никогда не увидимся **здесь**... но я верю, что потомки вспомнят нас не злым словом и не восхвалениями – а **беспристрастно**. – Он бросил взгляд куда-то влево и сказал задумчиво, словно бы читая лекцию курсантам: – Итак, эра подошла к финалу – первые боеголовки упали на восточное побережье США. Меньше чем через минуту ответные будут в Москве... а ПВО неплохо работает вообще-то, молодцы мужики... Не о чем больше говорить. – И добавил, называя человека в костюме на «ты», как называл когда-то давно, в совсем другом мире, где было стократ больше живого солнечного света, пронизывавшего стремительно летящие мимо дни и озаряющего неспешные и, конечно, счастливые годы впереди. Куда все это ушло?! Почему?! – не понимал человек в костюме. Он хотел спросить об этом, но не успел, потому что услышал последнее слово: – Прощай.

Экран погас.

«Вот и все», – подумал он, глядя, как в сероватой глубине горит отражение серебристого блика лампы над входом. От этой мысли ему неожиданно стало... очень легко. Как будто разом упал с плеч чудовищный груз.

– Вот и все, – повторил он вслух. И улыбнулся.

Первым нажатием кнопки на пульте он заблокировал дверь. Вторым – выключил внешнюю связь, чтобы не слышать, как сюда будут ломиться... да нет, давно ломаются ошалевшие от ужаса и непонимания творящегося охранники и советники. Удобней устроился в кресле,

закрыв глаза и стал думать о том, что сегодня воскресенье и не надо идти в школу. Он отоспится как следует, а к полудню побежит с друзьями на речку через жаркий майский день.

Ему было хорошо и спокойно. Впервые за много-много даже не лет – десятилетий.

Место второе Смоленск. Скрипачи

«СЛАВ, У ТЕБЯ СВЯЗЬ НОРМ РАБОТАЕТ?»

Стоявший посреди широкой парадной лестницы мальчик лет десяти озадаченно смотрел на экран дорогого iPad, на котором высветилось это странное сообщение. Уважительно обтекавшая его слева и справа шикарно одетая толпа, казалось, его совершенно не трогает. Впрочем, так оно и было – он привык к такому и сейчас просто стоял, уверенный, что взрослые его обойдут: длинные русые волосы чуть растрепаны, галстук на белой рубашке под темным костюмчиком слегка распушен, в правой руке – аппаратик, в левой – футляр со скрипкой. Славик Аристов играл с пяти лет, и подобная атмосфера была ему привычнее привычного.

Даже начавшаяся не столь давно война особо ничего не изменила в его жизни, да и была она какая-то вялая и неинтересная, больше пугала слухами, а всерьез взрослые говорили тихим, что, наверное, скоро РФ замирится с врагами «на достойных условиях». Славка только по телевизору иногда видел ролики откуда-то с Кубани, с Псковщины, из Карелии, с Дальнего Востока – там все больше показывали немолодых офицеров (Славка не разбирался в погонах), которые уверенно говорили о том, что враг «сдерживается», «оттеснен» и так далее. Ничуть не было похоже на фильмы про старую войну – там все выглядело как-то серьезней и значимей, гремели большие сражения, работали большущие заводы, люди уходили на фронт колоннами... Ничего такого вокруг сейчас не было. А в интернет-играх война была еще и куда интересней... Правда, пару раз Славка наткнулся в Сети на самодельные ролики, но и там все было не очень понятно и неприятно – беготня, мат (Славка его не терпел), какие-то очень некиношные и в то же время жуткие раны, глухая, трескучая, неинтересная стрельба и пыльные взрывы, как будто ковер выбивают... В том, что все это по-настоящему и происходит сейчас в его стране и не так уж далеко, Славка не мог себя убедить и не мог заинтересоваться этой некрасивой войной. А в музыкальном лицее про нее никто и не говорил вообще. Даже и на фронте ни у кого из лицеистов вроде бы не было ни родственников, ни знакомых... Армия, которая воевала, люди, которые воевали, были далеко от мира Славки Аристова. Даже не так – находились в каком-то параллельном мире. И плакаты на стенах некоторых домов, призывавшие защищать Родину, казались скорее забавными, чем зовущими, а очередь около здания районного военкомата, которую Славка увидел однажды, его удивила – он даже не знал, что тут военкомат, он-то думал, магазин какой-то новый открыли...

Мальчик вздохнул. Всего полчаса назад он получил эсэмэску от Вовки Серова: «СКРЫ-ПОЧКА, Я ЕДУ ИЗ ЛАГЕРЯ ГОТОВСЯ». Вовка был его проклятьем, сколько Славка себя помнил, – на три года старше, задиристый, из тех, по кому «плачет колония». Славка долго не мог понять, какая колония плачет по Вовке и откуда вообще сейчас колонии, они же давно исчезли, пока не нашел объяснение, что колонии, то есть места, где на чужой земле живут люди, и колонии, куда сажают детей-преступников, – это разные вещи.

Хорошо еще, что учился Серов, конечно, в другой школе, не в Славкином музыкальном лицее. Но во дворе и при случайных встречах «Скрипочке» Вовка буквально не давал жизни. Правда, почему-то не бил и даже ничего не отбирал – хотя запросто мог бы просто потому, что был старше и сильнее, – но отвечивал щелбаны, громко насмеялся такими словами, что у Славки начинали пылать уши, и вообще изводил Аристова по полной. Да и так... Если правду сказать – взрослые люди Славкой восхищались, в лицее тоже все было нормально, а у мальчишек со двора... Ну какой авторитет может быть у скрипача?! Конечно, мама и Марк Захарович говорили много раз, что это все глупости, что к мнению шпаны не надо даже краем уха прислушиваться... но Славке, как ни любил он свою скрипку и концерты, временами очень, просто ужасно хотелось стать сильным и надавать Вовке в честном бою по шее.

Да только это были всего лишь мечты. В жизни... Да что там говорить! Правда, про колонию Славка думал, что все-таки не хотел бы, чтобы Вовку туда забрали. Когда он узнал значение этого слова, то посмотрел два документальных фильма. И похолодел от ужаса и омерзения. Фильмы были страшней любых ужастиков хотя бы потому, что они были правдой, и Славка это понимал. И никакой колонии Славка Вовке не желал, даже сжимался внутри, вспоминая те фильмы, когда кто-то из взрослых грозил колонией Серову... пусть при этом и заступался за него, Славку. Хотелось даже крикнуть: «Замолчите, не надо ему **такого** желать!» Нет! Лучше было бы рассчитаться с обидчиком по-мужски. Но... опять мечты, мечты, мечты...

Не столь давно Вовка уехал в какой-то весенний то ли спортивный, то ли трудовой лагерь-школу, и Славка вздохнул свободней, по крайней мере, можно было спокойно гулять по двору. Но подлый Серов где-то узнал его номер и, как ни блокировался Славка, слал и слал ему эсэм-эски с угрозами и обещаниями.

И вдруг – вот такая эсэмэска. Странная.

Славка проверил номер. Точно – Серов. Он пожал плечами и отвечать не стал, убрал iPad во внутренний кармашек. Вздохнул. Наверняка Вовка придумал какой-то особо гадкий развод, вот и все. Ну его! Лучше наслаждаться мыслями о том, что его пока нет и еще какое-то время не будет. А еще тем, что мама специально осталась дома, чтобы приготовить торт с ананасом. Ананасы, да и вообще почти все свежие фрукты последнее время куда-то исчезли из магазинов, но иногда все-таки появлялись, и Славка по этому поводу не слишком беспокоился...

– Ну что, все получилось очень неплохо, все, я бы даже сказал, получилось великолепно!

Славка улыбнулся. Марк Захарович Ройтманович ему всегда нравился, хотя был немножко смешным – растрепанным каким-то, восторженным и очкастым. Но учил он просто великолепно, а главное – всегда помогал Славе и в доме у Аристовых был давно своим. Отца Славка не помнил и не знал и на Марка Захаровича эту роль не примерял, но рядом с учителем ощущал успокаивающую уверенность: у Марка Захаровича было множество знакомых, он устраивал концерты, за которые отдельно платили «в конвертике», развернул широкую рекламу своего юного ученика за границей, и Славка, побывавший уже в обеих столицах, готовился и к зарубежному турне... может, даже уже поехал бы, если бы не события этого марта, которые он не очень-то понимал. Ну, видел, конечно, что мама стала больше беспокоиться, а еще он два раза давал небольшие концерты в воинской части и в госпитале для раненых. Ну и, кстати, вот сегодня на концерте были кадеты из местного корпуса – по приглашению губернатора. Славке эти мальчишки нравились – они вели себя дисциплинированно, не бузили даже втихую (хотя было видно, что музыка им до лампочки в основном), и вообще его к ним как-то тянуло. Хотя Марк Захарович всегда презрительно морщился при виде этих ребят и веско, хотя и немногословно, внушал Славке, что «военная служба – занятие для глупцов, неудачников и бандитов». Славка не был согласен, но не возражал: во-первых, он не привык возражать взрослым, а во-вторых, сам еще не сформировал тут никакого мнения.

И да, еще, кстати, в антракте все кадеты куда-то исчезли...

– Марк Захарович, давайте по пути заедем в магазин, я хлеба куплю, мама просила. – Осторожно положив футляр на заднее сиденье серебристо-серого «Форда» учителя, Славка устроился впереди. Аккуратно пристегнулся. Было солнечно, очень тепло, совсем по-летнему; по небу цепочкой бежали смешные облачка, и Славка, предвкушая, как сейчас дома переоденется в майку, бриджи и сандалеты и побежит гулять, подумал, что облачка похожи на веселых котят на прогулке. Яркое светило солнце, и котята шустро трусили к нему – то ли поиграть, то ли прыгнуть в светящуюся заманчиво теплую норку...

– Конечно. В «Магнит»? – Ройтманович тронул машину с места, уважительно кивнул нескольким людям, разговаривавшим о чем-то возле парковки, – ответом были такие же, только чуть более рассеянные кивки и благосклонно одобрительные улыбки (явно адресованные Славе).

– Лучше в «Печку», – помотал головой Славка. – Там свежий есть, и он там вкусней.

Хлеб в магазинах последнее время был не всегда, и это казалось странным. Более того, говорили, что во многих местах ввели карточки на продукты, на бензин и что «у нас» тоже скоро введут. Из-за войны, что ли, иногда думал Славка, но быстро оставлял эти мысли. В то, что война может как-то повлиять на его жизнь, он не верил совершенно...

«Печка» была магазином-булочной, где хлеб пекли прямо в полуподвальном помещении за основным корпусом. Рядом всегда весело и вкусно пахло разнообразной свежайшей выпечкой, и около магазина у Славки всегда исправлялось настроение, даже если было оно очень плохим. А сегодня плохим ему быть не с чего.

– Я быстро! – Славка хлопнул дверью.

Марк Захарович вылез с другой стороны, сказал, прикрывая свою дверцу:

– Я тоже зайду, пожалуй.

Славка кивнул. И вдруг... ему вдруг стало... Нет, это было какое-то странное ощущение. Не страх, не боль, не... а что-то... словно бы он выпал из сна в реальность или, наоборот, мгновенно заснул наяву... Все сплюснулось и замедлилось – время, пространство. Облачные котята добежали до солнца, и на их фоне медленно и плавно с каким-то низким гулом упал за дальние дома странный черно-серый жук.

Что это такое? Славка с интересом проводил жука глазами. Потом вздохнул, избавляясь от тяжелого, странного ощущения, улыбнулся тому, как ловко уваливает от рук смеющейся матери совсем мелкий, лет трех-четырёх, клоп в яркой одежде. «Хорошо быть таким, – с высоты своих десяти лет подумал Славка. – Ни забот, ни...» Он, пытаясь вздохнуть, лежал на передней части автомобиля, непонимающим взглядом фиксируя, как потрясающе красивая лавина пламени, поднявшаяся над домами, с низким гулом слизывает их, словно какие-то вкусности, алым языком великана. Потом плотная струя пламени выметнулась с перекрестка метрах в двухстах, и затормозившие там машины и шедшие там люди перестали существовать, а те, кто был подальше, начали стремительно вспыхивать и метаться, словно в файер-шоу. Послышался дружный слитный звон, и окна домов как будто отхаркались стеклянным крошевом, а впереди него падали на асфальт горящие комочки.

«Птицы горят», – удивленно подумал Славка, и Марк Захарович сдернул его с машины за миг до того, как ее подбросило боком. У предметов появились двойные живые тени – четкие, черные и багровые, они побежали, вытянулись, истончились, оторвались от того, что их породило, – и метнулись прочь... А над домами... нет, над огненным морем, поглотившим дома, вставал лилового цвета живой гриб. Он клубился и скручивался сам в себя. Открыв рот, Славка беспомощно смотрел на это чудовище. Дернулся – мимо пробежал тот мальш, он неся со всех ног с вытаращенными глазами.

– Петенька! – ужасно закричала женщина, все это время стоявшая неподвижно и смотревшая туда, в сторону гриба. Но мальш, не слушая ее и дико вереща, юркнул в какую-то щель. Женщина побежала следом.

Упала стена. На нее.

Совсем рядом.

Из-под камней с негромким чавканьем брызнуло красное...

Следующее, что Славка воспринял, – лестница. Неярко освещенная лестница вниз, какие-то звонкие удары и крики наверху и толчки – толчки со всех сторон. Ройтманович тащил его вниз – в складской подвал магазина, что-то бормоча и похрипывая между фразами. Славка только сейчас понял, где он находится, уже открыл рот, чтобы спросить, что же все-таки произошло. Но Марк Захарович втолкнул его в большое, загроможденное ровными рядами стеллажей помещение, освещенное одной лампочкой над входом, с неожиданной силой захлопнул дверь и закрыл ее рывками двух ручек по краям. Потом обернулся к мальчишке, который от толчка наткнулся плечом на стеллаж и сейчас, все еще ничего не понимая, потирал ушиб.

Сверху ударило. Мягко и мощно, словно на потолок склада – пол магазина – опустилась массивная плита. Стало совершенно тихо. Звуки – все звуки – как будто отрезало этой самой невидимой плитой. Мужчина и мальчик подняли головы. Славка хотел вытереть лицо и только теперь обнаружил, что правая рука у него занята...

Славка не помнил, как и зачем он взял скрипку, видел только, что и Марк Захарович схватил свой инструмент и сейчас держит, точнее, судорожно сжимает его в руке. Не знал он и того, что видел взрыв одной из тысячи пятисот семнадцати боеголовок, которые упали на Европейскую Россию в эти минуты. Это были американские боеголовки; долетели и взорвались также семь английских и пять французских. Еще сто две, четыре и пять соответственно ударили по азиатской части РФ.

Славка не знал и того, что это был ответный удар, – до него восемьсот семнадцать боеголовок РВСН РФ полчаса назад поразили территорию США, четырнадцать – Канады, двести три рассеялись по Европейским странам – членам НАТО. Сделано это было группой военных в тот момент, когда стало окончательно ясно, что значительная часть политической элиты РФ готова капитулировать в вялой – и кровопролитной! – войне на границах в обмен на сохранение лично для себя определенных предпочтений.

Не знал Славка и того, что почти сразу после этого судорожно-поспешный обмен ядерными ударами начали еще одиннадцать государств Земли, вспомнивших о взаимных давних претензиях. У трех из них ядерное оружие имелось официально. У остальных – просто **имелось**.

Не знал, что десятки ракет самых разных стран, сбившиеся с курса или сбитые бестолково, но все же действовавшей ПВО, падали хаотичным смертоносным дождем по всему земному шару. Некоторые просто раскалывались при падении. Другие взрывались. А вот стратегические бомбардировщики ни США, ни РФ так и не взлетели, хотя им был отдан такой приказ, – какие-то экипажи его не дождались, другие не стали выполнять.

Да все это были, собственно, не первые ядерные взрывы – с марта на территории РФ и некоторых сопредельных стран, в том числе и европейских, и войсками РФ, и «силами ООН» уже было применено почти сто ядерных зарядов – правда, тактических.

Славка не знал ничего этого, а многого из этого не узнал вообще никогда. Он только подумал, что мама умерла и что Вовка Серов тоже умер. Именно в такой вот последовательности и именно о них почему-то. Это были механические мысли, похожие на возникающие на экране компика надписи:

«МАМА УМЕРЛА. ВОВКА СЕРОВ УМЕР».

Потом компик дал сбой, и надписи погасли. И Славка тут же забыл про них, потому что они были невероятными. Его мозг – мозг умного, но не привыкшего к стрессам и испытаниям мальчишки – поспешно пытался выстроить приемлемую для психики комфортную версию произошедшего. Славка не задумывался о том, что сходит с ума, он просто начал с интересом оглядываться и почти весело подумал, сколько тут всякой разности лежит прямо на полках, подходи и бери... хотя это нельзя, воровать некрасиво, да и все равно потом охрана найдет украденное прямо на выходе...

«О чем это я? – подумал он, словно вынырнув на поверхность из глубокой воды. – Наверное, нет охраны, и вообще... Стоп! Надо позвонить. Надо позвонить...»

Он зашарил по карманам в поисках iPad, но обратил внимание на Ройтмановича.

– Спокойно, спокойно... – бормотал Марк Захарович, и Славка удивился: чего это он? Славка не сильно беспокоился, потому что все еще толком не мог понять, а точнее, **принять, осознать**, что происходит. Он уже хотел сказать, что не беспокоится, и спросить, что случилось, когда понял вдруг, что педагог говорит это не ему, а самому себе, а его, Славку, пожалуй, даже и не видит. Понял, встретившись взглядом с глазами Ройтмановича, – они смотрели куда-то внутрь, жутковато-стеклянно. И Славке стало не по себе от этого бормотания рядом:

– Спокойно... это ничего... даже если это полномасштабная ядерная война, то ничего... это быстро кончится, и все... эти идиоты сдадутся, конечно, сдадутся, а ядерные заряды не так уж и опасны... это все выдумки... уже ведь не первый раз, уже сколько применили на юге и вообще – и ничего... они сдадутся, и можно будет... – самоуглубленно бормотал музыкант, покачивая футляром.

– Кто сдастся?! – Славка сам изумился тому, что его так возмутили эти слова. О политике он особо и не думал никогда, а тут неожиданно возмущение выскочило само, он даже забыл, что собирался звонить домой. – Марк Захарыч, что вы такое говорите?! Не сдадутся наши!

Ройтманович быстро моргнул, глаза его ожили. Несколько секунд он смотрел на мальчика с изумленным страхом, словно не узнавал его. Потом быстро, широко заулыбался и торопливо заговорил:

– Да нет, что ты, что ты! Я не об этом совсем. Я...

Потом Славка часто вспоминал эту улыбку и это выкашлянутое слово. Потому что в следующий момент произошло что-то странное. И эта улыбка, и это «я» у него всегда будут ассоциироваться с концом – полным концом привычного мира, каким бы он ни был.

ЗЕМЛЯ СОДРОГНУЛАСЬ.

Нет, это была не судорожная рваная дрожь после взрывов. Толчок снова был мягким, как тот, сверху. Был почти не страшным в сравнении с бешеной смертельной тряской, сопровождавшей разрывы боеголовок. Но...

Но шел этот толчок откуда-то **изнутри**. Так подумал Славка, не в силах лучше себе объяснить. Как будто разом вся планета вздрогнула и... и начала... начала ворочаться, что ли? Это было неостановимое, жуткое нарастающее движение, перед которым жалкими детскими хлопучками казались все потуги людей поколебать мир своими ядерными зарядами.

Оно шло и шло – волной откуда-то из неизвестных глубин.

«Проснулось», – отчетливо и с бессвязным ужасом подумал Славка – непонятно для самого себя. Перевел глаза на педагога.

На лбу и носу Ройтмановича блестели крупные капли пота.

Ройтманович не отвечал. Перекосив рот, он с какой-то восторженной мольбой смотрел на лампочку, мерно раскачивающуюся под потолком над входом.

Потом она погасла.

Стало темно.

Предварение Чужаки в земле чужой

*И, увидев людей,
Содрогнется кудрявый Антихрист,
Проклиная отца,
Что так страшно его обманул...*
А. Штернберг. Абсолютный рассвет

*по старому счету – 25 августа 20** от р. х.
в самом конце третьей мировой войны и начале безвременья.
территория бывшей т. н. грузии*

Старший техник неверяще посмотрел на стоящего перед ним офицера в полевой форме с майорскими листьями знаков различия. Потом бросил внимательный взгляд уже мимо майора – туда, где на подъездной полосе возле «запретной черты» стояла гражданская машина, зеркально-голубая русская «Лада Калина».

В машине за приоткрытыми окнами виднелись две светловолосые детские головы. Мальчика, он старший, и младшей девочки. Дети смотрели сюда. Увидев, что на них тоже смотрят, девочка подалась внутрь машин, мальчишка, наоборот, махнул рукой.

Техник отвел взгляд и посмотрел на майора почти с ужасом. Потом, забыв о субординации, спросил проникновенно, как у наделавшего глупостей сына, – по возрасту майор почти годился ему в таковые:

– Ты рехнулся?! На кой черт ты привез сюда детей?!

– Да при чем тут я! – Майор выругался, махнул рукой, даже не подумав прикрикнуть на младшего по званию за невиданное нарушение устава. – Эта стерва... моя бывшая – она их сюда отослала полгода назад, потому что, видите ли, нашла в Штатах свою любовь, какого-то лизуна-менеджера. Мне бы их надо было отослать обратно, но куда?! Просто-напросто не к кому. Что, в приемную семью, что ли, их было пихать?! По правде сказать, – майор понизил голос, – я сперва даже радовался, тут ведь было, в общем-то, спокойно, а вдобавок очень красиво, да и они были очень рады... а теперь... Похоже, я поздно опомнился, да? Сегодня ведь должен был лететь транспортник в Германию... и его не будет?

– Похоже, что да. – Техник вздохнул: – У меня тоже двое, но они уже практически взрослые. И все равно... Черт, поезжайте обратно, сэр! И лучше не высывайтесь с вашей базы. Даже тут уже небезопасно. Мы сворачиваемся и тоже постараемся выбраться к вам. Технику, какая уцелела... – Сержант оглянулся туда, где на краю летного поля, за валом скопившихся с начала вой... миротворческой операции обломков группа людей в серебристо-оранжевых костюмах тушила разбитый «F-16». – Технику консервируем. Утром было поднялся дежурный вертолет, но его разбило вон там, на отрогах... – Он махнул рукой в перчатке. – Тут, внизу, ветрено, а наверху настоящий ураган. Вон та «птичка» – это не русских работа. Швырнуло порывом при заходе на посадку. Так-то. Сами видите... – Не договорив, он обвел все вокруг рукой. Задержал жест на быстро бегущих над близкими горами полосах туч, над которыми светило необычайно красное и неяркое, но при этом слишком большое солнце. Хотя до заката оставалось еще часа четыре, не меньше... Вдали, у начала лесистого ущелья, по которому заходили на посадку и взлетали самолеты, было видно, как горит городок Хони. Отчего он загорелся, было неясно, русские ничего на него не сбрасывали. Мародеры, – подумал майор ВВС США Фил Кларенс и молча кивнул. Потом вздохнул и, поправив под погоном пилотку, покачал головой:

– Да... похоже, мне стоит радоваться уже просто тому, что мы с детьми вместе... Ну что ж, спасибо, сержант. Мы поедem.

Он уже козырнул и сделал шаг, но сержант остановил его – снова без соблюдения субординации, но явно искренне, от души:

– Может быть, подождете? Я вас провожу к полковнику Керку. Заночуете здесь, а завтра поедем вместе с конвоем? Ей-богу, не рискуйте! – Он передернул плечами и огляделся как-то украдкой. – Сегодня какой-то особенно мерзкий денек. И последняя радиостанция в Тбилиси замолчала.

– Удивительно, что они до сих пор держались... – Майор покачал головой: – Нет. Мы поедем обратно. Тут недалеко... И вы тоже не задерживайтесь. Нам стоит всем держаться вместе.

Сержант отдал честь и заспешил на КПП...

– Самолета нет?

Майор Кларенс уселся на переднее сиденье и захлопнул дверь. Машину он купил за гроши, она была нужна для частных разъездов за пределы базы – и не жалел: агрегат был неприхотливый, а что плохо отлаженный и не сказать чтобы скоростной, так на здешних дорогах все равно особо не разгонишься. Посидел, барабанил пальцами по рулю. Одиннадцатилетняя Джессика на заднем сиденье притихла. Тринадцатилетний Том хотя и не повторял свой вопрос, но смотрел на отца с переднего пассажирского сиденья требовательно и настойчиво.

– Нет и не будет. – Майор включил зажигание. – Остаетесь здесь. Пока остаетесь. Здесь. Со мной.

Том уселся удобней. Бросил на отца косой взгляд.

– Что? – сердито спросил майор.

– Ничего, – быстро ответил мальчик и чуть прищурился, глядя вперед.

Майор подумал, что с детьми ему повезло. И подумал еще, что теперь вся ответственность за них лежит на нем. И только на нем. Что-то... сломалось. Что-то очень важное сломалось в мире. Прежнего больше нет. Кларенс досадливо оскалился – он сам не мог объяснить себе эти мысли и обрадовался голосу дочери сзади:

– Мы не летим к маме? – В вопросе Джессики не было разочарования: она с самого начала не очень-то хотела улетать. Том, впрочем, тоже... но как раз его-то сейчас интересовал явно не полет либо его отмена.

– Нет, красавица. – Кларенс вывел машину на дорогу и тут же, с трудом сдержав ругательство, нажал на тормоза. Мимо – в сторону въезда для грузовых машин – шла колонна техники. Своей, американской.

Впереди колонны двигался «Хаммер». В войсках США, выполнявших миссию в России, этих машин почти не осталось. А те, которые остались, солдаты старались забронировать как можно надежней с помощью подручных средств. Вот и на этом «бедолажном бронеавтомобиле» добавочно были наварены стальные листы на рамах и кроватная сетка, двери – усилены навешанными бронежилетами, оставлены лишь узкие щели для обзора. Кларенс проводил машину взглядом. Следом ехал открытый грузовик – русский, трофейный, борта которого были затянуты огромными грязными полотнищами, некогда белыми, с большими красными крестами. В грузовике сидели на откидных лавках люди, чья форма представляла собой смесь ключев, грязи, кровавых бинтов. Невозможно даже определить сразу их расовую принадлежность – бой сделал всех одинаковыми. Они опирались друг на друга и на борта, сжимая в руках винтовки, как последнюю надежду. Но по сторонам никто не глядел – наверное, не осталось сил.

Грузовик проехал, и Кларенс увидел, что на полу в нем стоят плотным пакетом шесть носилок. На оливковых окровавленных полотнищах мотались то ли тяжелораненые, то ли уже мертвые. Подпрыгивал в такт движению шлем с разорванными ремнями.

А во втором открытом грузовике, шедшем третьей машиной в колонне, были трупы.

Много. Сотня. Больше?

– Сидите здесь. – Майор открыл дверцу. – Том, не смей туда смотреть и не давай смотреть сестре. Что я сказал?!

– Да, пап, хорошо, – быстро ответил мальчик, садясь так, чтобы Джессике – впрочем, и не рвавшейся взглянуть – ничего не было видно. Майор, выбираясь из машины, заметил тем не менее, что Том смотрит – через плечо, и его лицо почему-то в черных точках вокруг носа.

Это веснушки, подумал Кларенс. Просто обычно их не видно. А сейчас у него белое лицо. Вот и все...

Вровень с бортами, навалом, они лежали плотной грудой, и эта мертвая груда человеческих тел жутко по-живому шевелилась в лад с раскачиванием кузова. Делала жесты руками, словно старалась привлечь внимание. Открытые черные рты и внимательные тусклые глаза будто бы о чем-то силились предупредить живых. Из каких-то щелей вяло цедились на дорогу струйки густой стылой крови. Сзади с борта свисали чьи-то ноги в до половины зашнурованных ботинках, по сторонам от них – верхние части двух обезглавленных тел, а выше почти сполз наружу молодой парнишка с багрово-бурой развороченной левой стороной головы. Жетон на шее убитого раскачивался над дорогой, как жуткий маятник, отмеряющий одному ему известное время.

Майор долго смотрел вслед грузовику, хотя мимо уже прошел еще один «Хаммер» и бронемашина с чудовищно изрытой попаданиями, словно поверхность Луны кратерами, броней. Кларенсу иногда становилось просто страшно при мысли, что могло бы случиться, если бы русские сопротивлялись в полную силу. Всем миром, как они говорят. Ведь когда все только начиналось, было негласно объявлено, что южные территории вплоть до Ростова-на-Дону власти России передадут под управление ООН без боя «с целью избежания жертв среди гражданского населения». Почти все были уверены, что драться тут всерьез не придется.

Началось же с того, что некоторые русские воинские части отказались выполнять распоряжения своего правительства, и каждый такой гарнизон пришлось блокировать, а потом стараться уничтожить, потому что на все естественные, разумные предложения проявить благоразумие и сложить оружие русские отвечали огнем и контратаками. А кончилось и вовсе появлением Серого Призрака¹, который в кратчайшие сроки сколотил добровольческую армию и плевать хотел на то, что его вне закона объявила сама же Москва. Выяснилось, что среди «миротворцев» почти никто не помнит, как надо воевать с таким врагом. Вперед поспешно выпихнули как войска местных «членов ООН», так и укомплектованные в основном кавказцами «формирования самозащиты», но это не изменило ситуацию. Такие войска русские разбивали с еще большей легкостью, в результате чего пришлось снова влезать в активные боевые действия самим...

Три мощных тягача – два «Ошкоша» и один очень похожий на них русский грузовик – везли на платформах чудовищно искалеченные «Абрамсы». «Суперкомпьютер в бронированном ящике» считался для условий средней полосы очень надежной машиной, несмотря на жалобы на капризность некоторых систем и прожорливость двигателя. Но русским было на это явно плевать – за последние две недели отдельный бронекавалерийский полк лишился семидесяти двух танков из ста тридцати, причем восстановить можно едва ли десяток машин. Остальные выглядели примерно как вот этот, на первом тягаче: разорванный снизу почти пополам, башня вздыблена вверх на вырванном поворотнике, катки выгнуты в стороны. Видимо, под днищем взорвался самодельный фугас из газового баллона.

¹ Сергей Бахмачев, казачий атаман с Дона. В период Третьей мировой в условиях распада структур власти возглавил оборону Дона. Его отряды, насчитывавшие более 30 тысяч человек и имевшие свои бронесилы, артиллерию и даже авиацию, отличались крайней храбростью и жестокостью, благодаря чему «миротворцы» и наемные банды на Дон не прошли. Серый Призрак – Бахмачев – погиб в сентябре 20... года в результате удачно проведенной врагом спецоперации. – *Здесь и далее примеч. автора.*

В этом были все русские. Вся их суть. Вся натура. В мирное время этот баллон стоял в хибаре, которую в Штатах побрезговал бы занять самый последний безработный. Там жили вечно пьяный корявый мужичонка, его крикливая жена (кто только придумал, что русские женщины красивы, – ничего подобного, они почти никогда не следят за собой!) и трое-четверо неужоженных детей, которых родители постоянно колотили. Потом началась война, и этот мужичонка открутил баллон от кухонной плиты и превратил его в фугас. А этот фугас превратил шесть миллионов долларов, шестьдесят тонн брони, огня и электроники и четыре человеческих жизни в **ничто**.

«Не х...й вам тут делать!» – вспомнил майор слова одного пленного, которого доставил в штаб. Он в ответ на все вопросы, если вообще снисходил до ответа, твердил эти слова. «Не х...й вам тут делать!»

«Может, мой прапрадед нашел бы с ним общий язык? – задумался Кларенс. – Но страшновато думать, что он не нашел бы этого языка со мной. Вообще не понял бы, что я делаю тут, разве в Штатах нет земли и работы? Интересно, что бы он сказал в ответ на мои слова о том, что мы несем сюда мир и демократию? Как его звали, моего прапрадеда?.. О господи... Возможно, наша бомба разнесла нищий «дом» этого русского и убила его «стерву-бабу» и «выкидышей». Нельзя было этого делать. Нельзя было их убивать. Нельзя. Русские в таких случаях не плачут, не жалуются психологам. Не пляшут военных танцев, не бьют себя ножами по лбам. Они молча идут и убивают. И им плевать, насколько силен тот, кого им приказал убить темный жуткий инстинкт, о котором мы забыли, – думал Кларенс. – Мы живем по выдуманным кастрированным правилам и забыли, как это бывает. Чисто и без примесей. Они идут и убивают. Без жутких обещаний, как у латиносов. Без криков и воплей, как у нег... афроамериканцев. Просто идут и убивают. С сонным лицом, как зомби. И если ты успеешь выстрелить – еще не факт, что мертвый русский не дойдет до тебя и не убьет... И не жди жалости. Русский добр только в мирное время.

Как же они нас обманули... Или это мы обманули себя?..

А может, они все живы. Может, жена и дети помогали ему закапывать этот баллон. Может, его старший сын мастерил детонатор из дешевого пульта и бросовых китайских часов. У русских есть выражение «есть землю», означающее высшую степень упорства или верности. Так вот, может, они на самом деле едят землю, потому что баллон потратили на наш танк и им негде готовить. Но они радуются. Едят землю и радуются тому, что взорвали танк.

Господи, слышишь ли ты, что мне страшно здесь? Как же эти чертовы немцы воевали с русскими четыре года?! Спросить бы... но немцы сейчас тоже другие, да и нет их здесь. Они не прислали контингент.

Не прислали. Что-то знали. Что-то помнили, наверное.

А мы прислали двадцать пять тысяч сюда, на кавказские курорты. И потом несколько раз присылали подкрепления. Но сейчас нас тут хорошо если десять тысяч. И не слышно, чтобы кто-то уехал домой просто так. Целым.

Да, русские тоже несут потери. Это надо как можно чаще повторять солдатам. И это так и есть. Но вот вопрос: **они замечают это?** Ну, что несут потери?

По-моему, нет.

Русских нельзя «принуждать к миру». С ними можно только воевать. По старинке. Русских не победят «крепкие профессионалы». Если ты хочешь хотя бы какое-то время на равных тягаться с русскими – нет, не победить, это невозможно! – ты должен иметь готовый воевать **народ и народную армию**.

Похоже, Штаты влезли в совершенно не свое дело. Когда понимаешь это, становится пусто и холодно в животе. А это страх. Непривычная вещь для меня. Трусом я не был никогда. Просто... я раньше никогда и не воевал с русскими.

Господи, сделай что-нибудь!»

Последними шли три «Брэдли». У одной не было башни, и она остановилась прямо напротив машины майора. Соскочивший с брони сержант – еще достаточно молодой, громоздкий в прорванном в нескольких местах жилете и снаряжении, – не отдавая чести, спросил, словно бы обращаясь не к офицеру, а просто в никуда:

– Тут есть вода поблизости? Очень хочется пить. Пить.

– Сразу за въездом на базу, вы движетесь правильно. – Кларенс для верности указал рукой. – Вы из боевой группы капитана Сандерса?

Сержант несколько секунд смотрел на майора взглядом, от которого Кларенсу стало неуютно. Взгляд был не злой, не сумасшедший, а скорей какой-то... пустой. Потом, видимо, вошедшая в кровь и плоть дисциплина взяла верх, сержант очнулся, подтянулся, козырнул:

– Да, сэр, так точно, сэр.

– Какие новости?

Сержант посмотрел на майора снова – на этот раз вполне человеческим взглядом, как на сумасшедшего. Потом улыбнулся и пожал плечами:

– Никаких, сэр. Какие могут быть новости? Скоро мы умрем, наверное.

– Ну, все не так плохо... – начал майор ободряющим тоном, но сержант отдал честь и перебил его:

– Простите, сэр, вы не поняли, сэр. Я говорю конкретно о нас, о нашей группе. Мы были на южной окраине Ставрополя, когда начали падать наши ракеты и город сгорел. – Сержант сделал резкий жест рукой. – Фух! Как спичка, сэр. Я сам не видел, те, кто видел, они ослепли, человеку не надо видеть такое, Бог наказал... Мне так сказали. Смешно, мы столько там сражались, столько наших погибло, а тут фух – и как спичка... Когда прошла волна, лейтенант Паттеридж собрал всех, кого можно было, даже трупы, и мы поехали сюда. Лейтенант по дороге застрелился, когда мы посмотрели с горного склона туда... на север. Там все горит. Была ночь, и было очень красиво – там все горит. До самого горизонта. Потом лейтенант застрелился... Я уже говорил?

Майор не перебивал сержанта и не сводил с него глаз. А тот продолжал:

– У русских тоже ведь есть ракеты? Много ракет? Наверное, и мой город тоже так горит. Красиво. А меня час назад очень сильно тошнило кровью. Мы умрем, но это не страшно, потому что все горит... – Он снова отдал честь и, четко повернувшись, совершенно обычной походкой двинулся к БМП.

Майор сел обратно в машину и снова захлопнул дверь.

– Папа, что с ними? – Голос Тома звучал требовательно и резко. Мальчик по-прежнему был бледен, но на этот раз не отвел глаз от отцовского взгляда.

– Они были в бою. – Майор снова повернул ключ, «Лада» завелась и тронулась с места – послушно, и внутри салона мир снова сделался привычным хотя бы на время. – В неудачном бою.

– Их разбили? Русские идут сюда? – спросил Том, и Кларенс увидел в зеркало заднего обзора, как Джессика округлила глаза и приоткрыла рот.

– Нет... – медленно проговорил майор, глядя, как по дороге навстречу на бешеной скорости проскочил красный автомобиль, крыша которого была нагружена сверх всяких пределов. – Подожди, Томас. Пока ничего не спрашивай. Нам надо как можно скорей добраться до базы.

Может быть, надо было послушаться сержанта с аэродрома и остаться тут? – подумал майор, увеличивая скорость. Но тут слишком большая площадь и слишком мало людей для такой площади. Нет. Надо ехать.

Управляя одной рукой, он попытался вызвать штаб, не веря в успех. Радиосвязь, которую глушили с обеих сторон, последние два дня почти перестала работать. Том молча перехватил гарнитуру, стал вызывать сам, через минуту пожал плечами и положил аппарат на место. Ничего не сказал отцу – все и так ясно. Кларенс спросил сына:

– Ты не пробовал планшетку?

– Бесполезно, – ответил мальчик. – Я утром еще пробовал, когда проснулся. Как повисло все позавчера, так и висит... Па, неужели Интернету крышка?

В голосе Тома звучало искреннее потрясение – такое, что майор с трудом удержался от совершенно неуместного смеха. Джессику между тем волновало совсем другое. Она подала голос сзади:

– Пап, заедем к дяде Джорджу за мороженым?

– Что? Да. Может быть. Да, – ответил Кларенс, пытаясь понять, было бы ему лучше, если бы сын и дочь сейчас летели в Германию. Про Германию тоже ходили нехорошие слухи – вплоть до того, что там начались массовые вооруженные столкновения на этнической почве. Но, с другой стороны, там все-таки нет войны, а база ВВС США – не такое место, которое могут легко захватить даже вооруженные люди... Впрочем, что теперь про это. Дети с ним. Он за них в ответе. И он уж точно сможет позаботиться о них лучше, чем бывшая.

Может быть, и правда остановиться и купить мороженое?

Дядя Джордж на самом деле был Григорием, а его фамилию ни за что не смог бы выговорить и сам майор. Очень шумный, очень радушный, общавшийся с клиентами с баз на ломаном русском языке, который им легче было освоить, чем грузинский, он торговал в придорожном кафе, помимо прочего, козым мороженым своего изготовления. Умопомрачительно вкусным! Кларенс и сам не мог отказать себе в удовольствии съесть порцию, он часто ездил этой дорогой. Грузин вел себя излишне раскованно, панибратски, но казался искренним и веселым, хоть и пожилой уже. Правда, некоторые его шуточки были... скажем так, некорректны. Он обожал, например, юморить по поводу того, что не рекомендовано, а в официальных документах запрещено упоминать «мужчин» и «женщин», «мать» и «отца» и так далее. Майор Кларенс в таких случаях отмалчивался, хотя шуточки хозяина кафе вроде «э-э-э, привэз, дарагой, ти сэгодня кито – мама или папа?!» (сказанные при детях!) или предложения открыть между туалетами с буквами «М» и «Ж» еще один, с буквой «А» («американцы»), его бесили. Но эти затеи политиков у него самого вызывали тошноту, и «крыть было нечем». Он временами спрашивал себя, откуда берутся законы, которые злят его самого, в демократической стране? Кто и как их принимает, если среди знакомых Кларенса не было ни единого, кто бы их одобрял? Но потом он отгонял эти мысли. Не дело военного заниматься политикой. Его так учили с Вест-Пойнта. И он в это верил.

А вообще, думал Кларенс, газуя по возможности, у грузин и правда нет причин любить американцев. Когда ООН начала операцию на территории РФ, к действиям на Кубани и в Предкавказье был привлечен сорокатысячный грузинский корпус – фактически все, что могла дать страна. СМИ сообщали о том, что корпус несет службу, приходили домой письма и даже видеообращения, но все чаще появлялись полные ужаса разоблачения: письма – подлог, обращения – монтаж, практически весь корпус уничтожен или русскими казаками и добровольцами из армии Бахмачева, или «пихнувшими» грузин вперед американцами; только в Астрахани под ударом **американской** ракеты погибли остатки корпуса, сразу более десяти тысяч грузинских солдат, в том числе почти три тысячи раненых в местном госпитале...

Не верить этому было трудно. На саму Грузию упало, по разным оценкам, от десяти до пятнадцати... бомб? Боеголовок? Разбираться уже было, можно сказать, некому – города и села почти повсеместно охватывала паника. Паника, которую некому было сдерживать – сил ООН в собственно Грузии осталось совсем немного, и в их рядах тоже царили или апатия и страх, или откровенный разброд. Многочисленные горные хребты, проклятье для любого дорожника, сейчас спасали людей, препятствуя расползанию радиоактивных осадков, – но все понимали, что и это ненадолго...

«Так. И что же нам-то теперь делать?» – подумал Кларенс. В этот миг он неожиданно понял – как будто в темной комнате на лист книги упал яркий луч фонарика, – что дела их

плохи. Если они отрезаны от воздушного сообщения с миром, то остается лишь один путь – из Батуми морем. Надо будет узнать, как дела на Черном...

Машину подбросило. Швырнуло вверх – в сторону – вперед так, что, если бы не привязные ремни, и Кларенс, и Том выбили бы лобовое стекло. Джессика в ужасе завопила. «Лада» приземлилась на все четыре колеса, подвеска даже хрюкнула, а потом жалобно завизжала, но выдержала.

– Бомба! – крикнул Том. – Пап, нас бомбят!

– Замолчи! – Майор быстро проверил управление – машина послушно двинулась вперед. – Это не бомба, это... землетрясение, наверное. Ты же помнишь, почти сразу после вашего приезда было... Просто это сильный толчок. Том, нас некому тут бомбить. Джессика, не плачь, сейчас купим мороженое.

Толчков больше не ощущалось. Но что-то впереди – там, куда они ехали, – заставило майора насторожиться. Какая-то... пелена. Вроде тумана. И что-то странное в ландшафте. Что-то странное. Очень. Только он не мог сообразить, что именно... И еще этот яркий, но какой-то вечерний в то же время, странный солнечный свет...

Кафе горело. Все целиком, как большая бочка с бензином. В огне то и дело что-то рвалось с громкими хлопками. Майор остановил машину чуть дальше, хотя понимал, что живых в кафе нет. Оставалось только надеяться, что их там и не было. Непонятно, что случилось. Самовозгорание? Напали какие-то бандиты? Или все-таки... все-таки бомба?

Он открыл дверь и вышел. Спереди, от уже близкого моста, за которым – рукой подать до штабной базы, дул ветер. Сырой и очень теплый. И еще этот ветер нес с собой странные звуки. Вроде бы человеческий голос, пронзительный и громкий... и за ним – какой-то фон, похожий на пустую несущую радиочастоту, вдруг вырвавшуюся из эфира и заполнившую весь мир. Кларенс застыл на месте, держась за дверцу машины и не спуская с дороги взгляда. Больше всего ему хотелось сесть за руль, закрыть дверцу, развернуться и уехать обратно, если честно. Но он стоял и ждал, потому что надо было разобраться до конца и потому что цель пути, безопасность, хотя бы относительная, была уже близко.

Дул ветер. Светило солнце – красное и огромное, оно висело остывающим диском металла над горами, склоны которых словно бы покрылись под этим светом бездонными черными трещинами. Вид этот отдавал потусторонностью. Инопланетностью.

Потом из-за поворота медленно вышел человек. Это он кричал по-грузински – что-то о собаке Амирани², это Кларенс разобрал теперь. Когда он прошел мимо машины, крича эти слова снова и снова, вытянув руки, в развевающейся под ветром черной рясе, майор Кларенс увидел, что вместо лица у него – жуткий ожог. Бело-красная вздутая маска, из которой неслся заунывный голос.

– Папочка, что с ним? – пролепетала Джессика, когда майор сел в машину и хлопнул дверью. – Папочка, что с этим человеком? Папочка?!

– Молчи, дура! – рявкнул вдруг Томми, тяжело дыша. Джессика всхлипнула, но на самом деле замолчала. – Пап, это монах из монастыря. Из того, за поворотом у моста.

– Да. – Кларенс проверил под приборной доской крепление «беретты». – Попробуем немного вперед. Сидите тихо. Мы уже почти приехали.

«Лада» поползла прямо по дороге чуть быстрее обычного пешехода.

«Там был взрыв, – думал майор. – Томми прав. Русские что-то сбросили. Наверное, на штабную базу. Но это не ядерный боеприпас. А что тогда? Что-то очень мощное. Новое оружие? Может быть. Надо ехать осторожно. Наверное, попало в монас...»

² Амирани – хтонический герой грузинского эпоса. За богоборчество был посажен на цепь в пещеру в глубине Кавказа. Единственным существом, преданным Амирани до конца, осталась его собака – она лежит в той же пещере и лижет цепь. Когда металл истончится, Амирани порвет цепь, и наступит конец света.

– Пап, – выдохнул Томми.

В ухо задышала Джессика – она подалась с заднего сиденья, очень сильно, почти удушающе обвила шею отца и прошептала:

– Мне страшно, папочка. Где дорога?

– Все в порядке, детка, все в порядке, – ответил майор, сжимая руль и не снимая окаменевшей ноги с педали газа. – Все в порядке... Пожалуйста, отпусти меня и сядь на место. Мне так трудно вести машину.

– Пап... – начал Томми, но Кларенс ответил ему негромко:

– Не сейчас. Ты пугаешь сестру. Подожди... – И, чуть повернув голову, положив ладонь на волосы Джессики, одними губами ответил сыну: – Я сам ничего не понимаю...

Глаза Томми сделались большими и потемнели. Но он кивнул и промолчал. Девочка села назад и сжалась в комок...

В каких-то пяти метрах за поворотом мир кончался. Вообще. Дрожал воздух, слышалось шипение и треск. Далеко-далеко впереди, не меньше чем в четверти мили, дорога различалась вновь, хоть и в этом туманном дрожании, но она почему-то была... была какой-то изломанной, искореженной... и висела – да, **висела!** – на уровне крыши двухэтажного дома. А ниже начинался отвесный обрыв, из которого выпячивались очень яркие разноцветные камни и лопнувшими мускулами торчали свежие древесные корни.

Потом майор Кларенс понял, что видит пропасть. Не реку, через которую был перекинут мост, – реки не было вообще, только правой дороги куда-то вниз с бешеным клекотом устремлялся, тут же превращаясь в пар, какой-то грязный водопад. Это была пропасть. Пропать шириной в четверть мили на том месте, где стоял монастырь, начинались окраины поселка, в котором стояла штабная база и по которому текла река. Только что появившаяся пропасть. Если бы они не остановились около кафе – они бы сейчас как раз проезжали мост...

Майору захотелось закрыть глаза. Но тут земля под ногами снова вздрогнула – слабей, чем в прошлый раз, однако все равно сильно, – и Кларенс вздрогнул тоже.

– Землетрясение, – наконец сказал он и очнулся. Это и правда было землетрясение. Катастрофа, но катастрофа **понятная**. – Придется в объезд.

– Но это же половину суток ехать... – Томми оглянулся. – Тут же нет прямой дороги.

– Что ты предлагаешь? – сухо спросил майор, осторожно разворачивая машину. Это была не ирония, Кларенс на самом деле готов был выслушать сына. Томми стушевался, ответил только:

– А нам хватит бензина? Не надо останавливаться, мне кажется...

– Хватит, – кивнул майор...

Монах не дошел до второго поворота. Он лежал там, на обочине, ничком, выбросив вперед обе руки, в одной из которых был зажат сорванный наперсный крест. Ветер от пропасти, несясь по дороге сплошным упругим потоком, ощущавшимся даже в машине, шевелил его ряссу.

– Надо ему помочь, – сказал Томми. – Пап?

– Он мертв, – ответил Кларенс. – И мы не будем останавливаться.

Джессика тихо заплакала сзади...

Толчки повторялись еще дважды. После второго земля, в сущности, уже не успокаивалась – постоянно мелко дрожала, в машине это было почти незаметно. Том держал на коленях подробную карту на английском – раньше Кларенс никогда не интересовался этим вопросом, но, оказывается, через горы вело несколько дорог, построенных еще в советские времена. По ним можно было добраться до места быстрее, чем если возвращаться назад и двигаться в объезд. И они оказались в рабочем состоянии, хотя и обветшали. Джессика позади задремала, потом уснул и сын, откинув голову на спинку сиденья и приоткрыв рот. Майор не трогал его,

только временами наклонялся и заглядывал в карту, которую мальчик продолжал придерживать развернутой и во сне.

Он проехали мост – узкий мост над ущельем, в котором не было воды, только мокли кое-где большие лужи, да два человека (на берегу стоял брошенный автомобиль) собирали что-то на сырых камнях. Рыбу, кажется. Второй раз он видел людей, уже когда солнце опустилось к горам и стало совсем тусклым. Людей было много, человек тридцать. Они лежали грудой рядом с горящим старым автобусом среди распотрошенных вещей, и Кларенс порадовался, что дети спят. И постарался максимально, как позволяла дорога, прибавить газу.

Этих людей убило не землетрясение. И даже не бомба. Их вывели из остановленного автобуса и расстреляли, а потом ограбили трупы и багаж. В этот момент майор пожалел, что не вернулся на аэродром. Надо было вернуться и ждать там. Пусть это и не штабная база, но на аэродром вряд ли нападут. Кстати, кто? Это не русские. Банда. Видимо, просто банда.

Он еще несколько раз пытался воспользоваться рацией, но ничего не слышал. Только в последний раз прямо в ухо отчетливый голос сказал по-русски быстро и взволнованно одно слово: «Проваливается!» – и снова настала шумящая фоном тишина.

До поселка оставалось километров тридцать – лес, перевал и дорога через поля на склоне, – когда Джессика проснулась. Удивленно огляделась и, покосившись на Тома, прошептала:

– Па-ап... я хочу в туалет.

– Потерпи, золотко, – ответил майор, но Джессика попросила снова – не скулящим настырным тоном, а также негромко и умоляюще:

– Пап, мне очень-очень надо...

Кларенс остановил машину. Земля подрагивала, вдали что-то рокотало, но вокруг стояла тишина. Такая тишина, что было жутко. В лесу никогда не бывает так тихо... Длинные черно-красные тени окаменевших в этой тиши деревьев лежали на дороге.

Проснулся и Том. Громко хлюпнул слюной, тоже сонно осмотрелся и сипло спросил:

– Что случилось?

– Ничего. – Майор открыл дверь и вышел. Кивнул дочери: – Иди вон туда, только недалеко. Я постою тут, на обочине, – успокаивающе добавил он в ответ на испуганный взгляд девочки, которая уже начала вылезать из машины, но теперь замерла, с недоверием оглядывая странный молчаливый мир вокруг, полный теней.

– Я в ту сторону схожу, – Том тоже вылез наружу. – Раз уж все равно стоим.

– Только быстро и рядом, – через плечо бросил Кларенс, глядя, как Джессика исчезает за кустами на левой обочине. Сам подошел к краю дороги и остановился, невольно прислушиваясь. И неожиданно подумал о жене. Именно о жене. Не о родителях, не о ком-то еще – о жене. О том, что она дура и что он очень хочет, чтобы она была тут. И не хочет, чтобы она лежала мертвая около горящего автобуса... или около роскошного авто своего нынешнего... Нет, так не будет, сказал он себе. Там же Америка. Там не будет так. Потом понял, что обманывает сам себя, и хотел окликнуть дочь... когда на него навалились двое.

Вообще их было трое. В полевой форме (на рукавах – нашивки с алыми крестами, грузинские солдаты) и снаряжении, с мешавшими им «калашниковыми». Именно это – мысль о том, что это грузинские солдаты и что это все какая-то ошибка, – позволило подобравшимся за машиной вдоль обочины нападавшим скрутить майора. По-настоящему отбиваться он стал, только когда послышался истошный крик Джессики, и третий, что-то возбужденно крича, появился из придорожных кустов, таща извивающуюся девочку.

– Папа, папочка! – закричал Джессика теперь уже в голос, увидев отца и пытаясь вырваться из рук ухмыляющегося солдата. Кларенс зарычал и поволок на себе обоих нападавших в сторону бьющейся дочери. – Папочка, помоги! Отпусти меня, отпусти меня, отпусти!

Майор рванулся снова и почти вырвался, но его, зло и встревоженно крича, повалили. Третий нападавший подтащил кричащую Джессику к машине и опрокинул на капот...

– Папа, что тут творится?! Эй, вы кто?! – слышался изумленный мальчишеский голос.

Томми вышел из-за кустов со своей стороны совершенно неожиданно, и Кларенс отреагировал первым. С усилием приподняв голову, он крикнул:

– Сынок, беги! Прячься!

Следующим начал действовать Томми. Он резко пригнулся и бросился бежать, но не в заросли, а за машину, мгновенно скрывшись за нею. Грохнула дверца – и через миг отпустивший Джессику грузин, который видел что-то такое, чего не видели остальные, схватился за кобуру, – под звук двух выстрелов отлетел в сторону и, упав на бок, скатился безвольно ничком в какую-то ямку.

– Джесс, падай! – слышался крик Томми, и он выскочил сбоку от машины, держа в обеих руках «беретту». Ревущая сестренка послушно скатилась с капота и замерла за колесом – ни разу в жизни она не выполняла приказ брата с такой быстротой.

Один из державших майора солдат отпустил его и дернул вперед автомат, но Кларенс, отшвырнув второго, сбил солдата подсечкой и рывком навалился сверху. Он не видел, как второй, встав на колено, тоже вскинул оружие – и в тот же миг Томми выстрелил – опять дважды, – оба раза попав грузину в горло, в открытый ворот жилета. Лицо солдата из зверского стало удивленным, обиженным и испуганным, потом он отчетливо сказал: «Вай, нана...», громко забулькал ртом и упал на спину. Из угла губ быстро пролилась ленточка крови и увяла на щеке.

Когда целящийся мальчишка прибежал на помощь отцу, в ней уже не было нужды. Майор поднялся на ноги, дико глядя на сына, потом притянул его к себе и обнял. Крикнул:

– Джессика! Джесс!

Плачущая девчонка на четвереньках выбралась наружу, опрометью бросилась к отцу и брату. Кларенс обнял своих детей, стиснул так, что испугался сам, и тут же отстранился. Джессика плакала, вцепившись в руку отца. Томми был бледным, с большими глазами. Потом неожиданно резко отстранился от отца, подошел к убитому, который неловко лежал посреди дороги в луже густо-вишневой крови, подогнув ноги и отбросив в сторону сразу обе руки с зажатым автоматом.

– Том, не надо... – начал майор, но мальчик неожиданно поднял ногу и обрушил пятку кроссовки на лицо трупа. Потом еще и еще, с каждым разом все ожесточенней и ожесточенней. Джессика заплакала громче, теребя отца. Кларенс спрятал дочь за собой и крикнул сыну: – Прекрати!

Он почти не верил, что мальчик перестанет. Но Томми тут же шагнул в сторону, мучительно скривился, изогнулся вбок, вздрогнув всем телом, и его вытошнило на дорогу. Икая, тяжело мотая головой, шатаясь и отплеываясь, протаскился к машине, рухнул на сиденье водителя, уронив пистолет и оставив ноги снаружи, и, вздрагивая, застыл...

– Папочка, что с ним?! – Джессика была уже в истерике. – Папочка, Том умер! Уедем скорей, мне страшно!!

Мальчик неожиданно сел. Улыбнулся сестре – явно через силу, улыбка была жуткой, но Джессику, как видно, обрадовало уже то, что брат жив. Она вырвалась из рук отца и, подбежав к Тому, обняла его. Он тоже обнял ее – одной рукой, второй поднял пистолет. Глядя поверх плеча всхлипывающей сестры на отца, сказал:

– Пап, надо ехать. Скорей. Вдруг они только разведчики?..

Подумав, Кларенс, перед тем как отправиться дальше, отнес в машину автоматы, магазины, гранаты – все, что нашлось на убитых бандитах. Или все-таки солдатах?

Или... или это уже неважно?

Они проехали почти до самого перевала, когда начало быстро, как и всегда тут, темнеть. Останавливаться было опасно, но майор понял, что не может больше вести машину, тем более

через перевал. Глаза закрывались сами, он зачастую даже не понимал, что видит вокруг, и тряс головой, стараясь прийти в себя. Но в конце концов съехал с обочины в кусты подальше и, заглушив мотор и заблокировав двери, мгновенно уснул. Дети уснули еще до этого...

Дрожь земли майор ощущал даже во сне. И проснулся именно от того, что дрожь вдруг прекратилась. Было раннее утро, уже встало солнце – поднялось на половину над горизонтом на совершенно чистое, но какое-то лимонно-зеленое, как бывает зимой в сильный мороз, небо. Царило безветрие – и опять все та же вчерашняя тишь. Кларенс сел прямой и огляделся.

Джессика лежала на заднем сиденье, сжавшись в комочек и закрывшись целиком отцовской рабочей курткой. А Томми не спал. Он сидел на переднем рядом с отцом, поставив подбородок на колени, и глядел прямо перед собой неподвижными глазами. У лобового стекла лежал один из автоматов – мальчик взял его сам, оружие было снято с предохранителя, флажок стоял на автоматическом огне. Но когда встревоженный отец протянул к сыну руку, он тут же повернул голову и быстро сказал:

– Я в порядке. Правда.

– Я тебя не поблагодарил, – тихо ответил Кларенс. – Ты нас спас вчера. Ты настоящий мужчина.

– Ну... ты же сам научил меня стрелять, и вообще... – Мальчик неловко улыбнулся. – Нам надо ехать. Полчаса назад, когда я проснулся, проехал грузовик, – он указал рукой вперед, – туда. Гнал как сумасшедший. Я потом долго слушал – ничего. Ни стрельбы, ни взрывов. Только гул какой-то. Слышишь?

– Слышу. – Кларенс и правда ощутил еле-еле слышимый, но постоянный шум. Оказывалось, не было никакой тишины... – Сейчас поедem.

Но тут проснулась Джессика – тихо вскрикнула, села, испуганно схватившись за куртку. Том обернулся, неожиданно ласково сказал:

– Все в порядке, сейчас поедem, Джесси.

Джессика облегченно улыбнулась, кивнула, но тут же как-то насторожилась.

– Я хочу... – Она огляделась. – Мне надо... отойти. О... опять. Ну я же не виновата! – жалобно добавила девочка. – И вообще это было только вчера!

– Том, проводи сестру. – Помедлив, Кларенс кивнул сыну на «калашников»: – Вот. Раз уж ты его сам взял, то пусть теперь он будет у тебя. Все время. Ты ведь умеешь им пользоваться?

– Да. Но... – Том покосился на Джессику. – Па-ап?

– Она не должна оставаться одна. Далеко не отходите. Джесс, слушайся Тома. И не бойся, он не будет подглядывать.

Мальчик фыркнул, выбираясь из машины. Джессика покраснела, но промолчала. Правда, хватило ее ненадолго – закрыв дверь за собой, она заявила брату:

– А ты, наверное, просто рад, что не надо чистить зубы.

И первой удалилась в сторону кустов. Том пошел за ней – держа автомат на ремне через плечо прикладом в бедро...

Майор проводил их взглядом и, отвернувшись, сидел, стараясь ни о чем не думать и в то же время прислушиваясь. Ему почудился звук мотора – мотоциклетного мотора. Нет, кажется, не почудился. Или...

Дети появились из кустов неожиданно и тихо, хотя оба бежали. Джессика – впереди, с круглыми глазами. Том – за ней, держа автомат в руках, но уже по-боевому, то и дело испуганно оглядываясь. Кларенс выскочил навстречу со вторым «калашниковым» на изготовку, внимательно осматривая кусты.

– Что? – тихо спросил он. Джессика, не задерживаясь, молча юркнула в машину и замерла на заднем сиденье. Том встал рядом с отцом, судорожно дыша. – Кто там?

– Мото... циклист, – в два приема выдохнул мальчишка.

Не показалось...

– Один?
– Д... а. Да, один.
– Он вас заметил? – быстро спросил Кларенс.
– Нет... пап, он какой-то... – Том посмотрел на отца. – Ты не смейся, пап, но он какой-то... он очень страшный, пап. Остановился прямо напротив того места, где я стоял...
– Он точно вас не заметил? – допытывался майор.
– Точно, пап... Ты куда?!
– Посмотрю. – Майор двинулся к кустам, на ходу проверив автомат. – Оставайся тут. Сидите тихо. Слушай, смотри, не позволяй сестре даже двигаться. В любого, кроме меня, тут же стреляй. В любого. Тут же. Понял?

– Понял... Не ходи, пап... – Том выглядел на самом деле напуганным. – Пап, он реально страшный, как... как...

– Как кто? – Майор остановился. Он никогда не видел сына таким. Даже вчера. **Никогда.**
– Ты будешь смеяться... – пробормотал мальчик.
– Как кто, Том? – тихо и настойчиво спросил майор. – Я не буду смеяться. Что бы ты ни сказал. Слово офицера.

Мальчик коротко выдохнул и взглянул прямо в глаза отцу:

– Как Сатана, пап, – сказал он тихо...

К удивлению майора, это был «Харлей». Здоровенный, как мустанг, тюнингованный «Харлей» из черного и серого хрома. Такой же уместный здесь, как закусочная «Старбакс» или вывеска на окраине очередного маленького городка со Среднего Запада. Мотоцикл твердо стоял прямо посередине дороги, на осевой разметке.

А на нем, скрестив на груди руки и чуть откинувшись назад, на высокую, явно заказанную под размер хозяина спинку, сидел молодой мужчина в черном тонком свитере, таких же джинсах (на широком, украшенном золотом поясе висели длинный нож и большой пистолет в поблескивающей лаком деревянной кобуре) и сапогах из отлично выделанной кожи.

Кларенс видел его очень хорошо, затаившись в кустах. Это был рослый, могучий атлет, но при этом очень молодой, с красивым лицом, поразительно благородные и выразительные черты которого почти удивляли. Длинные густые черные локоны, выющиеся на концах, перехватывала небрежная красная лента-повязка, единственное яркое пятно. Скрестив на груди руки в черных тактических перчатках и откинувшись на спинку, человек смотрел куда-то на северо-запад, в небо.

И улыбался. Кларенс видел угол тонких бледных губ широкого рта.

А потом, едва майор подумал о его улыбке, мотоциклист повернулся к нему.

Точно в его сторону.

Большие холодные глаза, зеленовато-коричневые, как мутное плохое стекло, нашли Кларенса, словно в них были встроены тепловизоры. Улыбка, подумал майор, вставая и держа мотоциклиста на прицеле. Господи Боже, какая у него отвратительная улыбка! Так бы улыбался Грех, если бы обрел плоть.

– Привет, – мотоциклист говорил по-английски с произношением все того же Среднего Запада. От грузина, кстати, в нем ничего не было. И на русского он тоже не походил.

«Не обманывай себя, – подумал майор, продолжая целиться. – Том прав. И ты это видишь».

– Уходи, – сказал Кларенс. – Уезжай. Мы тебя не трогаем.

Это звучало жалко и даже нелепо – стоя с автоматом в руках, держа на прицеле того, у кого нет в руках оружия... И в то же время Кларенс понимал, что это скорее жалко, чем нелепо.

Улыбка стала еще шире.

– Не хочешь прочесть экзорцизм, майор Фил Кларенс? – осведомился мотоциклист и торжественно осенил себя крестом. Сперва католическим, потом православным. И расхо-

тался. Так, что майор почувствовал, как останавливается сердце. В глазах помутилось, он опустил автомат и пошатнулся. В гудящей кровавым приливом в висках серой кружащейся пелене слова мотоциклиста раздавались как гром, хотя Кларенс понимал краешком мозга, что тот не кричит, а просто говорит, даже не очень громко. – Я не уйду, глупец. И меня не изгнать – ничем не изгнать, никому не изгнать. Но вас я не трону, и сейчас я отсюда уеду. Вы мне не более интересны, чем блохи в горящем доме, – что мне, гоняться за вами и давить поодиночке? А вот полюбоваться на пожар я очень даже не прочь... – И вдруг резко выкрикнул, и от этого крика словно бы дрожь пошла по воздуху и почве, вибрирующе передаваясь в тело майора: – Здравствуй, Земля!!!

Майор почувствовал, что ноги его больше не держат. И повалился ничком, гаснущим сознанием отметив: мотоцикл взревел как-то насмешливо, и этот ревуший рокот растаял вдали...

«Она слишком много плачет за эти сутки», – подумал Кларенс, пытаясь сесть. Что-то не давало, и он не сразу понял, что, пока плачущая Джессика поливает его лицо водой из фляжки, Том удерживает его за плечи, бормоча:

– Пап, пап, полежи еще немного, полежи...

– Вы меня сюда принесли? – Майор понял, что лежит на куртке. Твердо отстранил руки Томми, улыбнулся дочери и все-таки сел. Прислушался к себе – нет, все нормально. – Я потерял сознание... нервы, наверное. Да, нервы.

– Кто это был? На мотоцикле? – Том заглянул в глаза отцу – требовательно, пристально.

– Я не знаю, – покачал головой Кларенс. – Уехал, и хорошо. Ты прав – неприятный человек какой-то. Наверное, бандит.

Томми несколько секунд еще вглядывался в лицо отца и, видимо, предпочел поверить. Даже облегченно перевел дух и подмигнул Джессике:

– Ну вот, зря мы вчера перетрусили.

Не зря, подумал майор, вставая. Еле сдержал дрожь, вспомнив мотоциклиста. Думать о нем не хотелось. Но думалось – и Кларенс со спокойным ужасом, который теперь уже не отпускал его, не давал себе произнести то, что знал.

Он знал, **кто** это был. Как бы это дико и иррационально ни звучало! Но если это... то...

Джессика на заднем сиденье опять задремала. Это не очень нравилось Кларенсу, но, с другой стороны, пусть дремлет, меньше увидит и запомнит. Они вернутся в безопасное место, и все забудется, словно дурной сон. Майор отгонял от себя мысль о том, что, возможно, такого места больше нет. Нигде нет.

Томми сидел рядом. Ждал, когда отец наконец решит двигаться дальше. Потом сказал, глядя перед собой, – солнце уже поднялось высоко, но смотреть на него можно было совершенно спокойно:

– Пап, эти, вчера... они ведь были военные.

– Дезертиры, наверное, сынок. – Кларенс тоже взглянул на алый диск. – Когда русские сделали три восьмерки, у них тут за сутки разбежалась почти вся армия. Я хорошо помню, как это было.

– Пап, – Томми встал коленями на сиденье, – пап, мне не нравятся вон те тучи. Вон те. Справа от солнца. Смотри!

Отец и сын замолчали, глядя вперед.

Бурый, комковатый, шевелящийся полог надвигался с северо-запада. Небо словно быстро и равномерно закрашивали грязной краской.

И эта краска... была живой.

– Если бы мы были в Канзасе, я бы решил, что приближается ураган, – как можно спокойней сказал майор.

– Это и есть... ураган? – Томми вздрогнул, не сводя глаз с небосклона.

Тучи коснулись края солнечного диска и неостановимо, плавно ползли дальше и дальше.

– Нет, – покачал головой Кларенс. – Тут не бывает такого.

– А что это, пап?

– Я не знаю, сынок, – честно ответил майор.

– Это что-то страшное, – медленно сказал мальчик, снова возвращаясь взглядом к туче. – Смотри... птицы летят. И как много... – Он подался к лобовому стеклу. – Пап... пап, они убегают от этой тучи. Пап, ты видишь?! – И вдруг выкрикнул тонко: – О господи, пап!!! – И, отшатнувшись назад, всем телом влип в кресло – так, что оно хрустнуло.

Завопила Джессика.

Майор видел. И чувствовал, как холодеет, покрывается липким потом тело, поднимается дыбом каждая волосинка на коже. Ему вдруг захотелось завывать, выскочить из машины и бежать прочь, бежать с криком, бежать, пока...

Нет, тут дети. Его сын и дочь.

Страх не прошел. Но теперь его можно контролировать. Хотя это трудно. Неимоверно трудно.

Бежали не только сплошным небесным ковром улетающие птицы. Через дорогу вдруг потоком – нескончаемым, алогичным и ужасным – хлынули из леса звери. Бок о бок – и самые разные. Молча. Хищные и травоядные. Мелкие и крупные. Майор даже не предполагал, что в окрестных лесах столько живности.

Джессика замолчала, втиснувшись между двумя передними сиденьями. Том обнимал ее одной рукой, закрывая глаза. Поток животных иссякал, хотя птицы все летели и летели... и падали, разбиваясь друг о друга. Две или три упали на машину, мазнув красным по лобовому стеклу. В десятке шагов от сидящих в автомобиле людей прошел большой медведь; прямо напротив машины он вдруг поднялся на задние лапы и угрожающе заревел, запрокинув голову с оскаленными жуткими клыками к небу. Стоял и ревел так долго, с полминуты. Больше никого из животных не было, а он все высился на фоне сделавшегося низким, бугристым, отливающего странным багрянцем неба. Когда вдали на юго-востоке исчезла последняя полоска яркой, сияющей голубизны, медведь словно бы опрокинулся на все четыре лапы и пошел прочь через дорогу, громко хрипя и мотая головой. Исчез в тених на другой стороне шоссе.

Полумрак, понял Кларенс. Это не тени. Просто стало темно. Как в самый пасмурный осенний день или даже вечером. Более-менее видно, но читать, например, нельзя... А ведь сейчас утро. Сейчас еще нет восьми часов утра.

Тот дрожащий гул, на который обратил его внимание сын, не прекращался, как и подрагиванье земли. Вдобавок начался ветер. Это было видно даже из машины. Шевелились перья одной из мертвых птиц перед лобовым стеклом.

– Выйди, убери их, – приказал Кларенс сыну. – Джессика, сядь сзади и постарайся ничего не бояться. Мы сейчас поедем... А пока помоги мне посчитать оружие, хорошо?..

Три автомата (один Том взял с собой; Кларенс бросил мельком взгляд на лобовое стекло, на старательно закушенную губу работающего сына) – «калашниковы» с постоянными прикладами под русский калибр 5,45, на одном был американский подствольник M203PI, к которому имелась всего одна граната; кассету с остальными Кларенс вчера забыл на трупе. Двадцать один магазин, считая те, что на автоматах. Вроде бы все полные. Пять ручных гранат. Гранаты тоже были американские – противопехотные M67. Пистолет – майор помнил, что вчера видел на бедре у одного из убитых кобуру, но... но тоже забыл его. Ладно. Пусть.

Том, очистивший машину скребком, вернулся и сказал, что ветер холодный, а увидев, что внутри считают оружие, тоже вспомнил вчерашний пистолет и спросил:

– Па, может быть, «беретту» отдадим Джесси? Только надо научить ее стрелять. Слышишь, Джесс, хочешь научиться стрелять?

– Я хочу домой, – ответила девочка. – Поедем скорей, пап!..

У перевала Кларенс снова сбросил скорость. Ветер мел через дорогу, как жесткая метла из металлических прутьев. Им попалась горящая легковая машина; не остановились. Не остановились и потом, проезжая окраиной села. Дома у дороги тоже горели, очень ярко в этом странном утреннем вечере, ровный сильный ветер вытягивал пламя в длинные почти неподвижные хвосты. На погнувшемся дорожном указателе у поворота висел труп в полувоенном. В петле. Повешенный. Рядом паслись две белых козы – они словно бы светились в сумраке. Том оглянулся – сестра снова дремала – и тихо спросил:

– Пап, нас бросили?

– Я не думаю, что это называется «бросили». – Кларенс думал о блокаде грузинской армии на перевале. Именно о нем. – То есть я хочу сказать, что никто не бросал нас специально, понимаешь? Просто... мне кажется, что властям сейчас, как бы тебе сказать, не до нас. Понимаешь?

Мальчик кивнул. Потом, отвернувшись к окну, отрывисто, в несколько приемов, выговорил:

– Пап, я хочу домой. В Штаты. Я очень хочу домой.

– Я знаю, Томми. – Голос майора был ласковым. – Я тоже очень хочу домой.

– Но мы ведь туда не вернемся? – Сын упорно смотрел в окно, держа автомат на коленях.

– Нет. Не думаю, что вернемся.

– А как же мама?

– Томми, я не знаю.

– Может быть, дома все в порядке? Может быть, за нами все-таки прилетят или пришлют корабль? Мы же победили в войне, разве нет? Мы разбомбили русских, ведь так?

Больше всего на свете майору хотелось сказать «да». Но он хорошо знал, что на территории США уже разорвалось немало бомб. И если «разбомбили русских» было верно, то не менее верно, что и американцев разбомбили тоже. В штабе говорили: ядерную войну начали именно русские, начали в тот момент, когда поняли, что не смогут отбиться, или когда увидели, что политики предали их страну... уже не разберешься сейчас. Но, видимо, два дня назад ядерная война началась по-настоящему. На полную мощь.

А вот его подозрение, которое появилось впервые на дороге при виде ползущего живого облака, перерастало в страшную уверенность.

ЯДЕРНАЯ ЗИМА. Которой пугали людей в его детстве и которой не может быть, как доказали ученые позже. Ядерная зима, и вдобавок что-то случилось с планетой. Испортилось что-то внутри, смутно подумал майор. Ему стало страшно. Всплеск страха – как высокая волна над и без того мутным озером.

– Том, послушай меня. – Мальчик повернулся к отцу. На щеках у него были следы слез. Свежие. – Мы почти приехали. Как бы там ни было, но на штабной базе наши. Но мы еще **недоехали**. Понимаешь меня?

– Да. Понимаю, – Том кивнул.

– Сейчас будет блокада грузинской армии. Но, Том, я не знаю, есть ли вообще еще эта армия, кому она подчиняется и вообще... Для нас это просто чужие люди с оружием, которые захотят нас остановить. Мы не остановимся. Мы попытаемся просто проехать. Если нас станут останавливать – мы их убьем. Понимаешь?

– Понимаю... – Мальчик не спускал глаз с отца.

Кларенс заставил себя и дальше говорить спокойно:

– Я хочу, чтобы ты поклялся мне. Поклялся, что не бросишь сестру. Никогда и ни за что, пока жив. Неважно, буду ли жив я, неважно, что случится с миром, неважно, погаснет ли солнце, разверзнется ли земля или планета сойдет с орбиты. Неважно – ты ее не бросишь. Только если умрешь.

Мальчик смотрел серьезно, внимательно. Молча. Потом спросил:

– Все плохо, пап? – Кларенс кивнул. – Все **очень** плохо, да? – Майор кивнул снова. – И будет плохо **долго**? – Снова кивок. Томми длинно, с перерывами, вздохнул. Потом сказал: – Я клянусь, что, пока я жив, Джессику не брошу. Вот... ну, я не знаю, что еще сказать. Ну, там... честное скаутское. Ну, я клянусь, в общем.

Майор удобней устроил сбоку от себя «калашников». Еще раз посмотрел на сына:

– Тогда едем...

Надежда умирает последней. И в страшных муках. Об этом майор Кларенс подумал, когда они подъезжали к двойной коробке блокпоста и он услышал вопрос сына:

– Может быть, это обычный блокпост?

– Не думаю, – медленно ответил Кларенс. И добавил: – Смотри внимательно...

Том кивнул. Он понял, о чем говорит отец. Сбоку от дороги, прямо вдоль обрыва с одной стороны и под скалой с другой стояли машины. Много. Десятки. Самые разные. Людей не было видно нигде. Ущелье глубокое. А вон тот кунг – американский армейский кунг, за блокпостом – очень вместительный.

– Джесс, ложись на пол. Не на сиденье – на пол... так... – Майор вел машину медленней и следил, чтобы дочь все выполнила. – Накройся курткой и лежи тихо. Не шевелись. Молчи. Не смей издавать ни звука, не смей делать ни единого движения...

– Пап, они перегородили дорогу, – предупредил Том.

Кларенс похолодел, поворачиваясь вперед. Но дорогу перегородили не «ежами» – один из солдат как раз протягивал поперек разбитого асфальта серую шипастую змею.

– Когда я скажу «давай» – выскочишь и отдернешь ее, – сказал майор. – Запомни: «Давай!» Не закрывай дверь, не останавливайся, что бы ни произошло, – выскочишь, отдернешь и сразу назад. Что бы ни случилось. Сейчас сиди спокойно.

Над блокпостом все еще был флаг. Майору захотелось начать думать, как сын. Это просто блокпост союзной армии. Так можно думать, чтобы было спокойней. До того самого момента...

Он видел на асфальте тут и там множество размазанных темных полос. Трупы тащили к ущелью. Тут и там. Тут и там. Тут. И там. Не счесть полос. Кое-где они слились в ровный слой странной дорожной краски.

Он положил на колени две гранаты, одной рукой разогнув усики предохранителей. Зацепил кольца за петлю для ремня. Так. Сейчас. Пулемет в капонири, а один уже идет к останавливающейся машине. Улыбается, но эта улыбка наклеена на мертвое, полное ужаса бледное лицо. Ему тоже страшно. Или он сошел с ума, этот солдат.

– Томми, убей его. Опусто окно и убей его сейчас.

– Хорошо, пап.

Томми опустил, бешено вращая ручку, стекло, немного высунулся, крикнул на ломаном грузинском – широкая улыбка, Кларенс видел ее в зеркальце заднего обзора, наивные глаза; глупый мальчик на переднем сиденье машины отца:

– Мы американцы, мы едем в поселок! – И уже по-английски: – Пропустите нас поскорей, пожалуйста!

Солдат остановился. Рефлекторно. Не мог не остановиться. В тот самый момент, когда он спиной почти закрывал машину от капонира. «Неужели мой сын все это просчитал?» – подумал Кларенс, быстро распахивая дверцу. С левой он выстрелил в стоящего у обочины из «беретты», и тот молча кувыркнулся в пропасть. Что делал сын, майор не видел, он только услышал, уже бросая обе гранаты (петля лопнула) в пулеметчиков, отчетливые слова Томми:

– Скажи «сыр», сволочь!

Короткая очередь «калашникова» из окна прозвучала на миг раньше двойного разрыва и крика майора: «Давай!» Кларенс метнулся обратно за руль. Томми внутри уже не было – пригибаясь, он с натугой тащил прочь металлическую змею, потом бросился в рванувшую с места машину, заднее правое стекло которой лопнуло и посыпалось брызгами. Сидя боком

– ноги наружу – в открытой двери набирающего скорость автомобиля, мальчишка выпустил, кажется, весь магазин в одном ему видимую цель... Выстрелов больше не было, даже вслед.

– Никто не гонится, – сообщил Том, когда они проскочили перевал и неслись пологим спуском между маленьких пустынных клочков полей. Над поселком тянуло дым и пар – отсюда хорошо была видна огромная вчерашняя трещина. Вдали за нею, там, где располагалась авиабаза, на которой они были вчера, упирались в темное шевелящееся небо почти неразличимые на его фоне столбы густого черного дыма.

Много казавшихся неподвижными столбов. Кажется, они не напрасно там не остались...

– Ты молодец! – Кларенс проводил глазами поднявшийся на одной из улиц вверх огненный пузырь – он превратился в зыбкий фонтан пламени и рассеялся. Видимо, взорвался баллон с газом в каком-то из домов. – Я горжусь тобой.

– Да ладно. – Мальчишка поменял магазин, ему подали новый выбравшаяся из-под куртки сестра. – Спасибо, Джесс. Мы уже почти приехали... Эй, отлезь от окна, дует сильно.

Здесь можно было набрать скорость. На сумрачной улице несколько раз попадались люди – никто из Кларенсов даже не присматривался, что они делают. Потом вслед грохнуло – прямо из окна одного дома, охотничье ружье; зачем? Кто знает... Началась аллея, ведущая к воротам штабной базы. По бокам аллеи стояли машины и лежали – тела, тела, тела. Танк. Подбитый грузинский танк, на антенне – все еще флажок, на башне – труп. Лежащий на боку разбитый «Хаммер» – свой, американский, с базы. Черно-пятнистый, шины сгорели, дверцы сорваны взрывами... Снова тела – грузины-военные, тут и там, как после боя... Или правда после боя? И два все еще вяло горящих грузинских БМП с опущенными стволами скорострелок. Большой, еще недавно роскошный автомобиль со знакомым номером, развороченный попаданием чего-то солидного; знакомый номер. Только проехав мимо, Кларенс понял, откуда знает этот номер. Единственный такой номер во всей стране.

Автомобиль президента Грузии...

Если честно, майор Кларенс подсознательно был убежден, что штаба больше не существует. И почти изумился, когда впереди замаячил силуэт «М113» около свежего капонира из мешков с песком, а вышедший на дорогу солдат с винтовкой на ремне наперевес поднял правую руку повелительным жестом.

– Наши, – выдохнул Том, буквально расплываясь по сиденью. Но автомат из рук не выпустил.

Солдат покосился на оружие у мальчишки, однако не сказал по этому поводу ни слова. Произнес, отдавая честь:

– Мы очень рады вашему возвращению, майор, сэр.

Кларенс кивнул, уже проезжая мимо. Ничего не стал спрашивать. Вскоре машина уже медленно шла по территории штабной базы привычным путем – к домам офицерского состава.

Увидев флаг над плацем, скользнув взглядом по окнам штаба, майор снова вернулся к мысли, что все недавно случившееся – какая-то ошибка. Сейчас все наладится. Все вернется на круги своя. Обязано вернуться. Сейчас... Он остановил машину у хорошо знакомого подъезда. Перевел наконец-то дыхание.

И тут пошел дождь. Словно прохудилось небо, в которое, казалось, упирался флагшток. Сразу во множестве мест прохудилось. Несильный дождь, даже, в общем-то, нечастый. Ветер нес его, превращая в какой-то странный душ. Капли были серые, разбиваясь, они оставляли на асфальте, на крыльце, на капоте машины и ее стекле грязные пятна. Не черные, а серые, прозрачные, но грязные, и Кларенс понял, что ничего не вернется. Повернулся к детям, привстал, изогнувшись, принялся стаскивать с сиденья чехол.

– Том, сними свой. Укроетесь с головами, не надо под этот дождь попадать.

На крыльце, куда они пробежали в этих импровизированных накидках, его снова посетило ощущение нереальности событий последнего времени. Он оглянулся через плечо, на

ощупь попадая ключом в скважину. Мокла весенняя трава на коротко стриженном газоне; сейчас выйдет из-за туч солнце, и трава вспыхнет зеленым и хрустальным пламенем... В отводной канавке уже бежал ручеек. Через видимый между деревьями плац быстро шли трое солдат – в химических накидках, хотя и без противогазов, – и он наконец открыл дверь.

– Чехлы бросайте на крыльце, – приказал он сыну и дочери. – Внутрь не носите...

В доме было пусто и тихо. И показалось – очень холодно. Кларенс передернул плечами, провожая взглядом детей, – Том вел сестру за руку к ее комнате и что-то говорил.

– Я в душе! – крикнул он. – И вы тоже не задерживайтесь!

Он правда хотел пройти в душ, но в дверь постучали. Майор открыл ее. На пороге – с плаща, с капюшона текла вода – стоял капрал, посыльный из штаба. За плечом – винтовка в боевом стрелковом чехле с гильзоприемником.

– Сэр, – мелькнула, замерла, упала рука, – генерал Грилл очень рад вашему возвращению. Вас, признаться, уже списали... Я послан сообщить, что сегодня в семь вечера состоится совещание штаба. В кабинете генерала Грилла, сэр. Вы обязаны быть.

– Я буду, капрал. – Рука сама отдала честь.

Капрал снова козырнул в ответ:

– Сэр... – И, повернувшись, спустился с крыльца, заспешил дальше.

«Значит, не работают внутренние коммуникаторы?» – задал он сам себе вопрос, закрывая дверь. И еще подумал: «У капрала есть семья? Что с ней? И что он сейчас чувствует?..»

В ванной казалось теплей. Майор включил нагреватель – обычно он умывался холодной водой, но сейчас хотелось еще одного подтверждения, что в мире все нормально. Вода потекла. Теплая вода. Он сделал ее еще горячее, закатал рукава рубашки, стал почти ожесточенно отмывать руки. Если та грязь в каплях – то, что он думает... то мой не мой... она все равно попадет даже в воздух. И в воду. Остается надеяться, что концентрация невелика. Конечно же, невелика. И вообще опасность ядерной зимы сильно преувеличена...

Он помотал головой, прикрыл глаза, слушая, как журчит струйка воды. Если щелкнуть выключателем в любой из комнат, зажжется свет. Тому миру сюда нет хода. Может быть, он все-таки даже приснился ему...

– Пап.

В дверях ванной стоял Томми. В свежих трусах, но с автоматом через плечо. Руки и лицо на фоне остального тела казались очень грязными. Особенно руки. Левая ладонь была залеплена по ребру свежим пластырем, и майор вспомнил, как Том тянул по дороге колючую ленту...

– Ты закончил? – спросил мальчик. – Джессика должна помыться. И мне не мешало бы.

– И поэтому ты напялил чистые трусы на грязное? – проворчал майор. Том заморгал виновато... «Вот сейчас! Сейчас! Сейчас то, что пришло, сдастся и уйдет из мира, потому что...» – думал Кларенс.

– Пап, я думаю о другом. – Мальчик на миг опустил глаза. Потом поднял – жесткие, пристальные. За последние сутки он убил троих... или четверых? – Всем ли нашим можно доверять?

Майор молча смотрел на сына. Больше всего хотелось прикрикнуть и сказать, чтобы Том не лез не в свое дело. Но...

– Сегодня вечером – совещание у генерала Грилла, – сказал Кларенс, кладя руку на плечо сыну. – Возможно, ты прав. Есть очень высокая вероятность того, что ты прав. И тем не менее – пока тут все **наши**. Просто потому, что вокруг – **чужие**. И мы будем стараться остаться **нашими**. Все. Понимаешь?

Том кивнул. Отец кивнул тоже, отстранил сына и уже хотел позвать дочь в ванную, когда Том задумчиво сказал за его спиной, заставив майора замереть на месте:

– Чужестранцы в стране чужой...

Противохимических накидок в доме было несколько, самых разных. А был и большой пакет «одноразовых» прозрачных дождевиков зеленоватого цвета. Поразмыслив, майор выбрал накидку, а дождевики решил оставить детям. Он уже предупредил их, чтобы без этих штук они наружу не выходили вообще и всегда надевали на голову капюшон.

Дождь шел и шел. Он не стал сильнее, он просто шел. И все. И ветер дул, дул, дул... Термометр за окном показывал плюс пятьдесят³. В мае тут такой погоды обычно не бывает...

Том пошел с ним. Не в штаб, конечно, а в магазин базы – со списком покупок. Джессика осталась дома, не одна, впрочем, – с нею пришла посидеть соседка, жена сослуживца Кларенса, сержант-связист.

Они шли по аллее вдоль плаца, шлепая по серым и черным лужам резиновыми сапогами. Окна во всех зданиях были темны, но всего лишь от светомаскировки.

– С покупками – сразу домой, – сказал майор, останавливаясь у поворота к магазину. – Не забудь сапоги...

– Я их помою из шланга. – В голосе Тома не было той ироничной досады, которая еще позавчера появлялась, если мальчику чудилось, что отец излишне опекает его, уже взрослого. – Тебя подождать?

– Неизвестно, в котором часу вернусь. Но ты не мог бы лечь спать у Джессики?

– Я уже перетащил туда спальник, – ответил Том. – Но, пап, знаешь... ей придется немножко повзрослеть. Я имею в виду, что я не бессмертный тоже. Как-то так, пап.

У Кларенса остановилось сердце. Он неверяще посмотрел на сына; желание было одно – закричать прямо в небо: «Да нет же, стой! Останови это! Хватит! Мы поняли!» Но... что, если там никого нет? Никого... никого **не было**? И...

Он так ничего и не сказал. Только кивнул. Около магазина и в нем самом ажиотажа не было, через мокрое стекло Кларенс увидел обычные заполненные полки, там ходила пара покупателей. Все как обычно. Том – с автоматом, на котором намотан полиэтилен (стрелять это не помешает), выглядел по-идиотски, по правде сказать.

Послышались мокрые шаги. Из-за магазина со стороны комендатуры вышел в мокром блестящем плаще, таком же, как у Кларенса, капрал. С винтовкой, с повязкой военной полиции на рукаве. Остановился на миг, потом подошел ближе, отдал честь:

– Капрал О'Нил, сэр, нахожусь на дежурстве в этом секторе... У вашего сына автомат, сэр?

– Да, капрал. – Майор мельком посмотрел на совершенно спокойно стоящего Томми.

– Это... игрушка? – Капрал чуть помедлил. – Сэр?

– Настоящий «калашников», взят им в бою вчера вечером. – Возникло ощущение нереальности происходящего, нереальности этого разговора – или совершенно новой реальности?

– Мальчик должен сдать оружие, – решительно заявил капрал. Голос из прошлого. Слабый голос из прошлого. Конечно, мальчик тринадцати лет не может ходить с оружием по воинской части. Да, черт возьми, нигде он с ним не может ходить!

Том молча выдвинул автомат от бока – стволом вперед.

И Кларенс подвел черту:

– Мой сын будет при оружии до того момента, пока я считаю это нужным, капрал.

– В таком случае я его просто заберу, сэр, простите, сэр! – Патрульный протянул руку уверенным жестом взрослого, точно знающего, что мальчишка не посмеет ослушаться. – Отдай автомат, парень!

– Том, – спокойно сказал Кларенс, не сводя глаз с капрала, – если капрал О'Нил еще раз повторит эту просьбу – выстрели ему в колено.

³ Разумеется, по Фаренгейту. Или плюс десять по Цельсию.

– Да без проблем, пап, – Томми ухмыльнулся и опустил ствол. Капрал застыл. Неверяще посмотрел на Кларенса:

– Да бросьте, майор... сэр...

– Том, если капрал О'Нил попытается забрать у тебя оружие силой сейчас или после того, как я уйду в штаб, – убей его, – так же негромко сказал Кларенс.

Том кивнул:

– Понял, пап.

– И на будущее, – продолжал Кларенс. – Убей любого, кто попытается взять у тебя оружие против твоей воли. Убей сразу же. На месте. Любого, кто будет на этом настаивать словами, – предупреди, что убьешь; если не заткнется – убей. Понял?

– Отлично понял, пап. – Том поднял ствол на уровень груди капрала. – Я не бандит, понимаете? И не горю желанием вас замочить, это так себе развлечение, поганое; теперь-то уж я знаю это точно. Собственно, я могу даже домой пойти, если уж так не хотите меня пускать в магазин, мне-то что. Но вы слышали, что сказал папа. А я послушный сын. В последние два дня – особенно.

– Не надо, капрал, – сказал Кларенс мирно. – Не надо сейчас о дисциплине и все такое прочее... Вас не будет рядом с моим сыном постоянно, чтобы его защищать. И меня может не оказаться рядом. Поэтому не надо – об автомате. Закрыли тему. Ведь так?

– О господи, сэр, – выдохнул капрал. И повторил: – О господи, сэр... – Его лицо стало совсем детским и беспомощным. – О господи, сэр... да меня бы самого кто защитил... – вырвалось у него со всхлипом. – Ладно вчера – бой... хотя какого черта, грузины же наши союзники... Но что сейчас-то, что вокруг творится?! Сэр, да мне просто страшно!

– Нам всем страшно, – ответил майор, отдавая честь. – Свободны, капрал. Том, иди за покупками. И домой...

В кабинете генерала собрались все старшие офицеры и начальники служб и отделов – почти четыре десятка человек. Кларенс, занимая свое место и отвечая кивками и улыбкой – вполне искренней – на поздравления, подумал неожиданно, что среди них, этих офицеров, нет ни единого афро– или латиноамериканца. У большинства были ирландские, англосаксонские, немецкие и голландские корни. Да и на всей базе, среди почти двух тысяч остальных офицеров, сержантов, рядовых, латиноамериканцев и афроамериканцев было меньше сотни (и они менее всего походили на «средних» представителей своих рас). При том, что белые составляли всего около 60 % Вооруженных сил США. И так обстояло везде, по всей группировке. И тут, и на Балтике, и в Восточной Европе. Везде было одинаково.

«А что, если...» – подумал Кларенс и попытался остановить эту мысль, оборвать ее – но она не ушла... «Что, если вот в такие группировки по белу свету **нарочно** выпихнули тех, кто был неугоден администрации? Или это случайное совпадение – принятие целого ряда странных... и... и **страшных** федеральных законов именно с того момента, как началась «миротворческая операция» в РФ?» Вспомнились сообщения о том, какие именно законы были приняты за последние месяцы. Он как-то не задумывался над этим. Не обобщал.

Но тогда получилось...

– Джентльмены, генерал!

Трехзвездный генерал Джосайя Грилл – сухощавый, подтянутый, выглядевший лет на сорок вместо своих почти шестидесяти – вошел в кабинет в сопровождении майора Барнэби, начальника метеослужбы. Кажется, они о чем-то говорили еще снаружи. Вот Грилл кивнул; Барнэби отдал честь и пошел на свое место, а генерал встал перед креслом во главе стола – меж двух скрещенных знамен, под портретом... Портрета не было.

– Джентльмены, садитесь, – Грилл кивнул. – Майор Кларенс, очень рад вас видеть. Позже мы выслушаем ваш доклад о том, что вы наблюдали за пределами базы.

– Да, сэр, – машинально кивнул Кларенс, все еще таращась на пустой темный прямоугольник на стене между знаменами.

– К делу, джентльмены. – Генерал Грилл так и не сел, остался стоять. Стоял и подошедший к нему адъютант. – Я настоятельно требую отнестись к сказанному мной максимально спокойно. Если кто-то думает, что я сошел с ума, проданся сепаратистам или еще что-то подобное, – на столе перед вами лежат папки, с которыми вы позже сможете ознакомиться подробно и оценить степень моего сумасшествия... Итак. Двое суток назад началась полномасштабная ядерная война, в которую за какой-то час оказались втянуты все государства, имеющие легальные или нелегальные арсеналы такого оружия. Как мне удалось узнать, на территории практически всего Северного полушария разрушено в ходе обмена ударами большинство крупных городов. Нам ввали, джентльмены, нам уже несколько месяцев ввали... может быть, ввали и гораздо дольше, но актуальны именно эти месяцы, в течение которых наше правительство и ООН под его давлением совершили ряд катастрофических ошибок... Именно эти ошибки, а вовсе не действия русских, сколь угодно безумные, и стали причиной... – Он кашлянул. – В настоящий момент на территории нашей родины полоса стопроцентного разрушения и смертельной зараженности – повторяю, стопроцентного разрушения и смертельного уровня радиации – начинается прямо на восточном побережье и кончается минимум на сотом меридиане; что на западном побережье – я не знаю... Приказываю сохранять спокойствие! – Генерал повысил голос, хотя никто даже не шелохнулся – несколько десятков человек в мундирах почти легли грудью на стол, не сводя глаз с Грилла. – Вам известно, что тут неподалеку еще с советских времен все еще работает одна из лучших сейсмолабораторий мира. Так вот: в недрах земной коры уже почти сутки фиксируются многочисленные глобальные очаги сейсмического напряжения. Похоже, вскоре оживет большинство вулканов, а землетрясения начнут происходить даже там, где их ранее не было. Самое ужасное, что это происходит и под дном океанов. Прибрежные районы будут смыты цунами с высотой волны до сорока метров. Волны пойдут в глубь материков и по рекам океанских бассейнов... – Генерал скрестил руки на груди. – Джентльмены, мы с вами присутствуем при полном, абсолютном конце цивилизации. При полном и абсолютном конце. Цивилизацию убили мы. Сперва продали, потом – растлили, в конце – убили. Примите это как данность, джентльмены.

Царило гробовое молчание. Лишь когда генерал отчетливо перевел дух, кто-то громко, взвинченно спросил:

– А что русские?!

– Если кого-то все еще интересуют вопросы мести, то успокойтесь. – Генерал Грилл усмехнулся: – Европейская Россия лежит в руинах, которые мало чем отличаются от руин нашей родины. Но это все совершенно неважно, джентльмены, если кто не понял. Сейчас важно только одно – что нам делать и как выжить.

– У меня семья в Чикаго! – выкрикнул, вскакивая, подполковник Сомс, начальник АХЧ.

– Вы ничем ей не поможете, – спокойно и твердо ответил генерал. – Но мы все вместе можем помочь тем, кто рядом. И мы сделаем это.

Поднялся, кивком попросив разрешения, майор О'Рурк, офицер-координатор ВВС:

– На ВПП базы находятся три исправных «С-130». Полоса старая, но для взлета вполне пригодна. Есть ли возможность погрузиться на борт и добраться до США? Погрузить хотя бы детей и гражданских?

– Это не имеет смысла – во-первых. Просто потому, что, повторяю, мы отправим их из одного ада в другой, еще более жуткий. – Грилл вздохнул: – А во-вторых, судя по всему, над Европой и Африкой сейчас уже дуют ураганные ветры. То, что мы видим снаружи здесь, у нас, – это еще только начало. Что происходит в Азии – точно сказать нельзя, но, учитывая количество противоречий между государствами, народами и религиями там... и наличие минимум у пяти из них ядерного оружия... Думаю, там уже обошлись и без нас с русскими. И лететь

туда тоже бессмысленно. Воздух для нас закрыт. Он, я думаю, закрыт на ближайшие годы для всего человечества вообще... если оно уцелеет.

Раздавшийся выстрел заставил всех вскочить, хватаясь за оружие. Сомс заваливался вбок вместе с креслом, выталкивая изо рта кровь. Другая струйка – тонкая, тугая – была из виска. Потом опала – за секунду до того, как, выронив пистолет, подполковник рухнул на ковер, неловко подвернув руку. Со стола упала и расползлась веером ослепительно-белых листов папка.

– Джентльмены, прошу вас. – Голос генерала был спокоен. – Стив, – обратился он к адъютанту, – пожалуйста, распорядитесь... и вызовите сюда капитана Фортескью, заместителя подполковника Сомса... На базе около двух тысяч наших подчиненных. Почти триста гражданских американцев. И среди тех, и среди других много женщин. На базе почти два десятка детей. Возможно, до нас доберутся спасающиеся с других баз или же просто наши сограждане, ищущие помощи. Посему я прошу вас всех понять, что в данный момент самоубийство является формой дезертирства. Именно так. Прошу понять. А сейчас, как только придет капитан Фортескью, нам предстоит обсудить вопросы обеспечения дальнейшего нормального функционирования базы...

Кларенс вышел на крыльцо штаба одним из последних. Дождь перестал, но, видимо, ненадолго – его пелена колыхалась на юге, и на ней, словно на экране, четко отражалось подсвечивавшее тучи зарево далекого большого пожара. Недалеко, в поселке, слышались выстрелы – частые, перебивавшие друг друга, из разных образцов стрелкового оружия. Чутьочку посветлело, но в целом вокруг царил все тот же странный серый свет, и от этого майора неожиданно охватила глухая тоска. Ему захотелось домой, но в то же время идти домой было страшно. Он не знал, что сказать детям, и сейчас просто бездумно озирался.

«Хорошо тем, у кого здесь нет детей... нет. Не так. Их дети, наверное, мертвы. Или еще хуже – умирают. В Штатах десятки миллионов детей. Неужели они все умрут?» – подумал майор, холодея от ужаса. Но потом всплыл другой вопрос: а русские дети? А немецкие, французские, греческие? Дети на Фарерских островах?

Его обожгла вспышка ненависти к русским – тем, кто начал эту войну. Но он вспомнил лицо генерала Грилла. Старый генерал обвинял не русских. Он сказал какие-то не очень понятные вещи. Но генерал Грилл – умный человек. Он годится ему, майору Кларенсу, в отцы...

Отец. Мать. О господи! Они тоже умерли?! Да, наверное, умерли. Может быть, сразу. А он, их сын, почему-то встречает конец света в Грузии. Которую прилетел защищать от русских. И для защиты грузин от русских боевая группа капитана Сандерса пошла брать русский город Ставрополь.

«Безумие какое-то. Почему мы решили, что русские все нам отдадут? Почему мы решили, что можем без конца брать все и у всех – и нам будут отдавать? Или я чего-то не понимаю? В голове какая-то пустота, как на месте портрета на стене генеральского кабинета...»

Хорошо тем, у кого нет детей вообще? И пусть все кончится, потому что род человеческий паскуден донельзя и только пачкает планету? Это выход... или не выход? Если не будет людей – для чего и для кого, зачем тогда будет **все**?

На крыльцо вышел отец Малоун, католический священник. На базе священников было несколько, ходили юмористические слухи, что скоро пришлют и сатаниста – для комплекта. Майор Кларенс родился в семье протестантов, но уже давно не обращал на это внимания и редко это вспоминал. А отец Малоун был единственным из священнослужителей базы, который вызывал у Кларенса уважение.

Священник посмотрел на Кларенса, кивнул. Потом достал из кармана плаща (такого же противохимического, как у всех) набитую трубку, прикурил от специальной зажигалки. Уютно пыхнул трубочкой и стал очень-очень похож на портрет того англичанина, который написал «Властелина Колец». Кларенс в детстве обожал эту книгу, но сейчас не мог вспомнить автора...

– Вам не страшно, святой отец? – вырвалось у него.

Малоун глянул на офицера немного удивленно, затанулся снова, пожал плечами:

– Нет. Мне больно. Очень больно за род людской, точнее, за людей – среди них все-таки много, очень много хороших. Но мне не страшно. – Он примолк, словно бы сам прислушивался к себе, и уверенно закончил: – Нет.

– Если я попрошу вас окрестить моих детей... они не крещены... – начал Кларенс.

Отец Малоун улыбнулся и покачал головой:

– Майор, если бы я мог, я бы сказал: держу пари, что завтра утром в церкви у меня будет не протолкнуться. И желающих креститься будет толпа. И я их окрещу. Просто потому, что тогда им станет чуть менее страшно. Но ваши дети не пришли ко мне. Не надо решать за них. Им жить в совершенно ином мире. Пусть живут сами.

– В мире, где не будет Бога? – спросил Кларенс.

Священник пожал плечами и снова затанулся сладковатым золотым табаком:

– Возможно. Что я могу сказать, стоя в самом начале длинного темного коридора, в конце которого горит свет? Только то, что коридор длинный, я не знаю, что в нем, а свет – горит. Те, кто дойдет, – узнают. Обретут веру. Назовут новые вещи новыми именами.

– Я не вижу света, – горько ответил Кларенс. – Там нет света.

– Там есть свет, – почти равнодушно отозвался отец Малоун. – Он всегда есть. Если бы его не было, вот тогда – тогда, майор Кларенс! – я бы боялся. Я был бы в ужасе. Но там есть свет. И вера. И новые имена. А старые грехи, может быть, не вынесут пути по коридору. Как знать?

– Вы странно говорите для католического священника. – Майор не пытался шутить, он был серьезен.

– Думаю, что меня некому за это лишить сана, – не без иронии ответил Малоун. – Всему свой час; есть время всякому делу под небесами, майор... Человечество живет очень долго. Моя вера младше намного. И я не настолько глуп, чтобы решить, будто до ее появления в мире царили грех, блуд, грязь и ложь. Она стала нужна, когда человечество потеряло прежнюю дорогу. Она была нужна в долгом пути по новой дороге. Но она – увы! – не поможет в коридоре, в который мы должны войти. А за ним... за ним, наверное, в ней уже не будет нужды, как не нуждается прозревший в поводыре, как оставляет костыли переставший хромать... Наступит время иного знания, иной веры. Которая тоже уйдет в свой час; надеюсь лишь, что не так трагично, а – как умирает исполнивший дело своей жизни и уставший человек. И только свет останется навсегда. Люди будут нести его дальше и дальше. Я думаю, вечно. – И священник неожиданно ярко улыбнулся.

– Вы Бог? – спросил майор Кларенс, не ощущая идиотизма и нелепости этого вопроса. Идиотским и нелепым он был бы вчера утром. Не сейчас. Да и отец Малоун покачал головой, не удивившись вопросу:

– Нет. Я не Бог.

– Я видел вчера Сатану. Он здесь.

– Да. Это пришло его царствие.

– И что нам делать?

– Сражаться, – спокойно ответил священник. Улыбнулся снова, перекрестил майора и пошел через плац, на ходу попыхивая трубочкой. Отойдя на пяток шагов, повернулся и отчетливо сказал: – Сражаться. Изгнать его, майор. Повергнуть.

Он затанулся снова, кивнул и пошел дальше – уже не оглядываясь.

На крыльцо вышел Барнэби. Кларенс даже вздрогнул, когда метеоролог кашлянул рядом, – оцепенев, он смотрел и смотрел вслед священнику.

– О, я думал, вы ушли!

– Я тоже был уверен, что все уже разошлись. – Барнэби натянул перчатки. – Вам проще, чем другим. Вы имеете дело в основном с техникой. А вот тем, кто с личным составом... – Он

покачал головой. – Завтра будет трудный день. Не удивлюсь, если со стрельбой. И не только в себя. Но нам повезло со стариком.

– Да, генерал – именно то, что нам нужно... – немного рассеянно ответил Кларенс.

Барнэби поднял глаза к небу, сказал негромко:

– Надо как-то научиться жить с сегодня. Вам проще – ваши дети здесь. А мои все трое – там. Были там. Надеюсь, что их уже нет. И я попробую себя приучить к мысли, что все началось сегодня, а до этого был сон...

Кларенс промолчал. Он не знал, что сказать. Барнэби, стоя с заложенными за спину руками, все смотрел и смотрел в небо. Так пристально и долго, что в конце концов и Кларенс тоже поднял глаза туда. И тогда метеоролог заговорил снова:

– Эти тучи... вон там, на перевале, темней остальных, которые... – Барнэби обернулся к Кларенсу и странно улыбнулся. Зубы блеснули яркой белой полосой. – Или я ничего не понимаю в метеорологии, или в них – **снег**.

Приговор

Феминизированный мир умирает.

В сущности, хотя об этом никто особо и не задумывался, ни ядерные взрывы, ни начавшийся, разбужденный ими, глобальный катаклизм ничего не добавили к его судьбе – только приблизили конец и, возможно, сделали его более милосердным. Просто в силу быстроты происходящего.

Мир полностью победившей гуманности, бесконфликтности, равноправия (в жертву которым было принесено больше людских жизней и судеб, чем всем самым жутким политическим и религиозным молохам прошлого, вместе взятым) не мог не убить сам себя. И теперь кошмарная воронка смертей, раскручивавшаяся все шире и быстрее, втягивала в себя новые миллионы и миллионы жизней.

Погибавшие не могли себя защитить. Прокормить. Обслужить. Вылечить от пустячных болезней. Они и умирали-то чаще всего не от взрывов боеголовок, не от рук бандитов или мародеров, а просто от того, что рухнула поддерживавшая их иллюзорную жизнь система безопасности и обеспечения. Умирали там, где еще их прадед нашел бы только причину засучить рукава и взяться за дело. Умирали, нелепо ожидая, – как были приучены своими матерями, которые их воспитывали и плотью от плоти которых они, «забывшие лица своих отцов» (а чаще не знавшие их), были, – помощи от «профессиональных структур». Не шевеля даже пальцем для своего спасения, потому что им внушали с колыбели: поза эмбриона есть лучший способ выжить.

Но эти самые структуры состояли уже давно из точно таких же маменькиных сынков, лишь прикрывавшихся старыми славными названиями. И их главной целью было не решение проблем, а ненарушение прав. Всех и любых. Ибо нарушение прав огорчало фемин всех пятидесяти двух гендеров.

И поза эмбриона становилась последней в жизни для миллионов.

Десятков миллионов.

Сотен миллионов.

Миллиардов.

*Едва ли один из тысячи мальчишек Европы, не достигший шестнадцати лет, воспитывался так, как **должен** воспитываться мальчишка. При этом на нем почти всегда стояли либерально-жгучие клейма «опасного», «непредсказуемого», «маргинала», а нередко висело и наблюдение полиции и всесильных соцслужб.*

Впрочем, в пугавших всех агрессивностью в мирное время «неевропейских диаспорах» дела обстояли ничуть не лучше. Они состояли не из хищников, а из раскормленных на пособия шакалов. И вымирали, собственно, с такой же легкостью, как и автохтоны.

И нигде не было исключений. Ни в живущей гуманитарной помощью Африке. Ни в перенаселенном Китае, где остатки населения, очухавшись после Ночи Большого Прилива, с цепенящим ужасом обнаружили, что без рынков сбыта и технических заделов пресловутого и осмеянного «белого человека» они беспомощны. Ни в «арабском мире», полностью зависящем, как выяснилось, от сгинувших кукловодов в дорогах костюмах.

Не было спасения никому. Ничему. Нигде. Любая подпорка старого мира рушилась, едва на нее пытались опереться чьи-то дрожащие в надежде и страхе руки.

А потом над миром, онемевшим от запредельного ужаса, пронизанным радиацией, сотрясаемым бесчинством обезумевших банд, ветрами-ураганами, повсеместными землетрясениями, извержениями вулканов, жутчайшими цунами, над миром, пораженным десятками вышедших из подполья пандемий, над миром, пылающим пожарами в разрушенных «муравейниках»-городах, переполненных трупами и безумцами, – над всем покорно и тупо умирающим миром пошел Великий Снег.

Владивосток Начало Безвременья

Глава 1 Огонь в сером городе

*И вдруг в моем сердце уставшем,
Как огненный свет янтара,
Сверкнула догадка, что «наши»
Сегодня не кто-то, а... я!
И быть мне последним Иудой,
Коль стану надеждою жить,
Что кто-то устроит мне чудо,
А я буду в ладушки бить...*

Б. Гунько. Наши

Киты выбрасывались на побережье уже две недели. Десятки китов. Самых разных. Они лежали на галечных отмелях под низким серым небом блекло-черными грудями, словно невиданные, выросшие из-под земли валуны, и белая пена волн вскипала вдоль их боков. В белесом тумане плавали серые сопки над бухтами...

Рядом с китами и на них сустились собаки – брошенных собак в последнее время стало невероятно много – и чайки. Людей не было. Хотя еще недавно фотографиями и рассказами были бы переполнены страницы газет, новостные ленты телевидения и Интернета, множество добровольцев пытались бы помочь этим гигантам, и обязательно засветились бы везде, где только можно, рядом с китами чиновники высоких рангов.

Сейчас никому не было дела до китов. Кроме собак и чаек, которые хорошо знали, что киты – это просто удачно подвернувшееся мясо.

Человек в черном теплом бушлате с погонами и нашивками старлея морской пехоты ТОФ медленно шел по набережной над длинным галечным пляжем, усеянным китовыми тушами. Бушлат был перехвачен офицерским ремнем, на котором висели «макаров» в открытой кобуре, старый подсумок на четыре магазина к «калашникову» и финский нож. На правом боку у человека под рукой в тонкой теплой перчатке надежно и неподвижно торчал автомат – «АКМ-74». Голова, несмотря на холодный ветер с океана, была непокрыта, черный берет засунут под бушлатный погон. Еще молодой, лет тридцати, не больше, худощавый (хотя и казавшийся грузным из-за бушлата), высокий, с аккуратными короткими усиками на лице с правильными малозапоминающимися чертами.

Старшего лейтенанта 165-го «казачьего» полка морской пехоты звали Николай Романов. Ему было двадцать шесть лет. Как и все люди с его складом лица, сейчас, в молодости, он выглядел уже на тридцать, но после тридцати и до глубокой старости он будет выглядеть значительно моложе своих ровесников. И он всего лишь гулял по набережной, как делал это уже несколько дней. Вставал утром, одевался, брал автомат и уходил через КПП, на котором его никто не останавливал. И часами бродил по набережной – медленно, в такт мыслям, в которых уже не было страха. В них не было даже отчаянья, сначала охватившего его...

Это почти смешно. Почти смешно...

Да нет, не страшно.

Конечно.

От слова «конец».

Шесть лет.

Он потратил шесть долгих, неистово-напряженных лет на то, чтобы выстроить свою Систему. Начал еще в Дальневосточном военном институте имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, курсантом старшего курса. Сейчас она охватывала все «постсоветское пространство» и еще два десятка стран. У Системы не было лица, не было лозунгов, герба, флагов, гимна, устава, клятв – ничего из того, что считается обязательным для подобных организаций и на чем они всегда горят. Пожалуй, она не была даже крупной – наверное, всего несколько сот человек на всю планету Земля. Но самых разных. От военных с немалыми звездами – не таких, как он, – до менеджеров по продажам, уныло-улыбчивых «хомячков», ненавидящих свою бессмысленную, тупую работу. От школьников старших классов до профессоров вузов с мировыми именами. От сумасшедших изобретателей до бухгалтеров районных администраций.

Всех их объединяло одно: они верили и готовились. Верили в новую – совершенно новую! – Россию и готовились к беспощадной борьбе за нее.

И они опоздали.

В его родном городе, в его родной части, среди его «реала» не было ни одного, на кого бы он мог положиться.

Ни единого человека. Он поощрял создание людьми системы клубов, кружков, секций, работу «втемную» с будущими помощниками и сторонниками... но сам не занимался этим, чтобы не навлечь подозрений. Он просто служил. Честно и очень обычно.

И когда рухнули Интернет и мобильная связь, произошло смешное. То самое.

Система распалась.

Он подозревал, что ровно то же самое произошло и со всеми организациями вообще, и не только сетевыми. И не только прорусскими, но и антирусскими. Но ему от этого было не легче.

От мысли о том, что случилось, не хотелось жить. А от самоубийства удерживало лишь одно: он никак не мог до конца поверить, что произошедшее действительно произошло. Что можно было до такой степени идиотски, до такой степени тупо...

Нет, все-таки правы были те, кто говорил: современная жизнь высушивает мозг. Полностью. Он походил на человека, который своими руками с нуля построил замечательный дом, а когда убрали леса, оказалось, что в доме нет ни единой двери и ни единого окна.

Надо было начинать действовать сразу, как только «случилась» эта вялая, непонятная и кровопролитная война. Но он медлил. Медлил отдать сигнал. Их бригаду до последнего держали в резерве. Опасались атаки то ли со стороны Японии, то ли от китайцев... Но ограничилось все какой-то идиотской стычкой с группой диверсантов невнятной ЧВК недалеко от Владивостока... И еще тем, что береговая оборона потопила американский эсминец, занимавшийся разведкой.

Когда пришло известие о сдаче РФ, никто не поверил, но никто ничего и не стал делать. А еще через пару часов полетели ракеты.

Может быть, среди тех, кто смог их выпустить, были и люди его Системы. Он не знал...

Сейчас бригада больше напоминала табор – туда все, кто мог, свезли семьи, вещи, – а многие, наоборот, разбежались (срочники убежали почти все), и никто, совершенно никто не знал, что делать. Да и не хотел никто знать. Но в бригаде по крайней мере было спокойно. Пока.

Над Владивостоком разорвались три вражеских боеголовки – над аэропортом (впрочем, это был не совсем город), военной базой Тихоокеанского флота и над южной оконечностью Золотого Рога. Хорошо, что только на суше, иначе не миновать бы локального цунами. В общем, сам город почти не пострадал. Но туда капитан Романов почти не ходил. Зачем? Город сошел с ума еще до начала ядерной войны. Еще весной фактически рухнула власть и начались, волна за волной, приступы безумия. Воинские части стояли наготове, даже посражались

немного с внешним врагом, а за их спинами тихо-мирно рухнуло государство, которое они защищали.

Хотя... далеко не тихо и не мирно. Нет.

Сначала убивали «чурок». Убили быстро и всех – большинство и вправду за дело, но многих просто так, «под замес». Огромная толпа под какими-то наспех сделанными флагами и идиотскими транспарантами прошла по городу и убила. Так просто, что это даже казалось удивительным – почему в мирное время «диаспоры» считались опасными и всесильными?

Потом, после краткого перерыва, начались уже просто грабежи, убийства, пожары. Непрерывной чередой. Люди бежали из города днем и ночью, хотя никто из них толком не мог ответить – куда они бегут? Постоянно что-то горело и где-то стреляли. Это продолжалось больше месяца. И к тому моменту, когда полетели ракеты, все уже почти успокоилось. Владивосток казался вымершим – серый город под серым небом среди серых сопок на берегу серого океана, окаймленном серыми тушами покончивших с собой китов... Серый-серый-серый мир...

На самом-то деле в городе еще довольно много людей. Даже после всего – много. Сидят за наглухо закрытыми дверями и ждут, чем все кончится. Молятся или просто ждут. Должно же кончиться, ведь правда?

Должно. И кончится. А вот чем?..

В конце набережной он повернул на лестницу, выводившую на улицу, вдоль которой моталась листва деревьев. Она тоже казалась какой-то неяркой, совсем не летней, хотя лето только-только настало. Казалось, деревья мечутся в тревоге, тоже пытаясь бежать куда-то – все равно куда, лишь бы прочь из города.

Возле некоторых подъездов стояли машины, но почти все – сгоревшие. Сгоревшие машины, взломанные или сожженные гаражи. Выбитые окна. Угол одного из домов вырван взрывом – наверное, рванул газовый баллон, торчат порванной странной паутиной гнутые арматурины. Кострище на детской площадке, кости, несколько собачьих черепов. На клумбе около одного из подъездов (дверь сорвана, домофон раскурочен) – две могилы с самодельными фанерными крестами, на которых что-то написано. Он не стал ни подходить, ни даже вглядываться – ведь все равно, что... Вдали – у перекрестка – улицу быстро переходил, перебегал почти, какой-то человек. Романов проводил его взглядом, удобней устроил под рукой автомат и вошел в подъезд. Просто так. Ему захотелось – он и вошел.

На лестничной клетке воняло, из-под ног шарахнулась куда-то вниз большая крыса. Романов по-прежнему не знал, зачем он сюда зашел, зачем поднялся на пару пролетов. Ни за чем. Рассматривал исписанные и изрисованные стены. Поверх старых надписей – немногочисленных, подъезд раньше хорошо охранялся, наверное, – было множество новых. Совсем других. Просьбы о помощи, адреса, фамилии. Лозунги – в основном полные религиозного безумия, вызванного страхом и бессилием. Крики отчаянья...

Он прошел по лестницам, останавливаясь, прислушиваясь. За некоторыми дверями ощущалась жизнь. Напуганная до предела и таящаяся. Другие двери были выбиты. Может, эти квартиры пустовали... а может, и за этими дверями кто-то жил и надеялся, что его обойдет стороной происходящее. Он заглянул в одну – разгром, разграбление и запах тления. Из ванной. Туда старший лейтенант заглядывать не стал – зачем?

Романов вышел, заглянул во второй подъезд. Поднялся на пролет. На лестничной площадке сидел, раскидав ноги в дорогах туфлях, труп мужчины. Голова упала на грудь, свесившиеся волосы закрывали лицо, виден был только металлический штырь, торчащий из горла. Справа от трупа, у мусоросброса, лежали на полу два небольших свертка. Они чуть шевелились – как-то хаотично. Романов отлично понимал, **что** это за свертки и **почему** они так шевелятся, – и отвел глаза. На стене над сидящим мертвецом было размашисто написано черным маркером: «БОГ УМЕР. И НИЦШЕ ТОЖЕ».

Романов сделал несколько шагов вверх по лестнице. Одна из дверей второго этажа была приоткрыта. Именно приоткрыта, не выбита. Старший лейтенант помедлил. Ему стало вдруг любопытно – есть там кто-нибудь, и если есть, то как они выглядят, уцелевшие жители города? Поднялся на оставшиеся ступеньки и вошел внутрь. Тихо-тихо.

В коридоре было темно, но из кухни падал свет за окном и пахло кашей. Рисовой. Слышались какие-то звуки. Тихие, но неопасливые, обычные звуки. Романов подошел ближе к открытой кухонной двери, держа наготове автомат...

...Стоявшая у плиты старушка посмотрела на вошедшего офицера спокойно и отрешенно. Кивнула:

– Добрый день, – и продолжала помешивать ложкой в кастрюльке, стоящей на небольшом примусе-керосинке.

– Добрый день, – сказал Романов. Помялся, продолжил (слова были нелепыми, наверное, от неожиданности): – У вас дверь открыта. Вот я и зашел. Вы бы запирались.

– А, это сквозняком... Да зачем запирается? – улыбнулась старушка. – Все равно. Хотите каши? Не стесняйтесь, у нас еще есть рис. Нам много не надо...

– Нет, спасибо... Вы одна?

– Мы с мужем. Он там, в комнате. Внука ждет.

Романов оглянулся через плечо. Через коридорчик и еще одну открытую дверь увидел полутемную комнату, стариковский силуэт в кресле у стола, на котором бездонно чернел экран неработающий ноутбук. И – неожиданно ярким пятном – большая цветная фотография, стоящая на том же столе: смеющийся мальчик лет десяти-двенадцати в яркой куртке, обнимающий белого щенка, весело вывесившего алый язык.

– А внук где?

– Наверное, умер. – Старушка снова улыбнулась, и у Романова по позвоночнику скользнул холод. – Он у нас один был, мы его из детдома отбили, дочка наша его туда сдала, перед тем как в Германию сбежать... – Старушка легко и спокойно делилась с вооруженным незнакомцем своим прошлым. – А тут в лагере специальном отдыхал на Камчатке, по путевке, он конкурс рисунков выиграл. Очень ему там нравилось, еще неделя оставалась. Когда все началось, как раз старик мой с ним по этому... по скайпу говорил. Санечка смеялся, говорил, что там хорошо, но все равно соскучился, а потом так оглянулся и говорит: «Ой, а это что та...» – и пропала связь. И все. Вот старик мой и сидит, ждет, когда Санечка опять позвонит. Да пусть себе. Он думает, что вот-вот, ему и хорошо...

– Я пойду, – сказал Романов. Ему было страшно. Страх оказался живым и очень сильным чувством. Вместе со страхом было еще одно чувство, и Романов опознал его – **стыд**. – Мне пора.

– Заходите еще-то, – кивнула старушка. – А то скучно. Почтальонша только заходит, да тоже уже два дня не было. Да и зачем ей, почта-то вся вышла.

Романов попятился. Вышел на лестницу, старательно закрыл дверь. Долго и тяжело дышал, пытаясь изгнать из мыслей яркое пятно фотографии. Потом медленно пошел вниз – мимо трупа с арматуриной в горле и шевелящихся свертков...

Снаружи, на спуске на набережную, стало немного легче. Тут тоже было пусто, серый океан набегал на пляж. Поодаль виднелся похожий на кита лежащий на боку катер, на нем тоже «паслись» чайки – хмурые какие-то, нахохленные, молчаливые. Романов оперся бедром на тумбу лестницы и стал смотреть на воду.

Неужели конец? Всему конец и навсегда конец? Или что-то еще будет – потом? И когда – потом? И какое – что-то? И зачем оно?

Он посмотрел на рукоять пистолета, выглядывающую из кобуры. Провел по усам сгибом большого пальца, неторопливо расстегнул ремешок-клапан. Движения старшего лейтенанта

были медленны, но в то же время уверенны. Даже из бессмысленного мира оставался один надежный выход. Киты хорошо его знают. Умные звери – киты...

Позади послышалась торопливая прыгающая побежка. Он быстро обернулся. По лестнице вниз бежал, прижимая к груди какой-то пакет, мальчишка лет двенадцати-тринадцати: грязное лицо искажено безмолвным отчаянием, разбитые кроссовки мягко шаркали по ступеням. Романов он не видел, как не видели его и выпрыгнувшие следом на лестницу трое – молодые мужики в удобной полуспортивной-полувоенной, хотя тоже грязной, одежде. У двоих были бейсбольные биты, у третьего – пистолет и большой тесак.

– Стой!

– Стой, сучоныш!

– Стой, все равно поймает!

Мальчишка прыгнул через несколько ступенек, не удержался на ногах, упал, не выпуская пакет. Это были макароны, теперь Романов видел. Преследователи взревели радостно, тоже запрыгали через ступеньки. Мальчишка вскочил, но тут же странно, как-то безголосо вскрикнул. С усилием выпрямился, захромал прочь по пляжу – видимо, понимая, что не убежит, но просто не в силах покорно остановиться. В его мучительно ковыляющей фигурке, закутанной в драную спортивную куртку, в его движениях, полных отчаянья и ужаса, было что-то такое, отчего замирало сердце.

Те трое догнали его. Мальчишка завертелся между окруживших его троих, стискивая пакет и беспомощно оглядываясь. Двое с битами хрипловато ржали (теперь Романов видел, что у одного из них сзади за ремень тоже заткнут пистолет, у другого за спиной в самодельном чехле крепится обрез двустволки), третий сказал зло:

– Отбегался, все. Тебя предупреждали по-хорошему. А теперь готовься. Живым отсюда не уйдешь, крысеныш!

Мальчишка рванулся на прорыв очертя голову. Его отбросили, подставили ногу, прижали к гальке. Макароны рассыпались рядом, и мальчишка резко повернул голову к ним, извиваясь в сжимающих его руках.

– Снимайте с него штаны, – приказал тот, что с пистолетом и ножом. – Биту дай, – он толкнул в плечо одного из подельников. – Натянем его на нее как следует и бросим тут. Если выживет – пусть уползает.

– Не выживет, я постараюсь, – осклабил тот, что с обрезом. – Да и бросать-то его зачем? На мясо пойдет... – Мальчишка, издавая странные звуки, пытался вырваться, брыкался, жмурил глаза. По щекам текли яростные слезы. – Ну что, подставляй попку... и не дергайся, не дергайся, быстрее отмучаешься, га-га-га!

Почему он не кричит, не зовет на помощь? – подумал Романов. А хотя кого звать? Нету никого. Умерли все. Ушли все.

Он вздохнул и лениво поднял автомат...

Тяжело, сипло дыша, мальчишка, одной рукой подтягивал штаны, другой судорожно собирал в разорванную коробку макаронины. Быстро посмотрел на труп рядом, явно на торчащий из-за пояса пистолет. Романов покачал головой:

– Не лезь, не надо.

То, что при нем были убиты три человека, мальчишку явно ничуть не волновало. Но на Романова он косился со страхом. И в то же время – еще как-то непонятно. То ли даже с надеждой? И молчал. Все время молчал.

– Ты что, немой? – Романов закончил обшаривать карманы убитых, пистолеты, «макаров» и китайский «ТТ», вместе с патронами сложил в рюкзак. Больше ничего интересного там не было – за исключением двух солидных мешочков с женскими украшениями да большой плитки шоколада.

Согласно кивнул.

– С рождения?

Голова мотнулась из стороны в сторону.

– Родители где?

Мальчишка помедлил, провел по горлу пальцем.

– Ясно... – Романов снова посмотрел на валяющиеся на гальке трупы.

«А ведь я правильно их убил...»

Он вдруг ощутил, что внутри само собой развязался какой-то узел. Казалось, он даже видеть стал лучше. Зорче, что ли.

– Тебя как зовут?

Мальчишка помедлил, достал откуда-то из рванья школьное удостоверение, такую карточку, без которой в последнее время войти-выйти из школы было просто нельзя – все для детской безопасности, да-да... Карточка оказалась перемазанной, но фото сохранилось. С фотографии смотрел не он, но Романов, взглядевшись, признал: нет, все-таки это тот самый мальчишка, что на фото, с озорной полуулыбкой, русой челкой, в синей аккуратной рубашке с темным галстучком, явно «рекомендованной Уставом школы»... Белосельский Евгений Антонович, тринадцать лет... Вернул удостоверение мальчишке. Тот быстро спрятал карточку и вдруг вскинул на Романова блестящие глаза, сложил перед грудью ладони. Потряс ими. Показал на себя, на Романова, потом – изобразил пальцами идущего человека. Снова умоляюще потряс ладонями, зажмурил глаза, снова потряс ладонями, мучительно скаля зубы – неожиданно белые...

– Со мной?

Почти яростный кивок.

– Хорошо.

Мальчишка вздрогнул, уткнул, снова уронив коробку, лицо в руки. Вздернул плечи, задрожал. Поспешно сделал шаг – и тут же припал на правую ногу, скривился. Поглядел на стоящего Романова с ужасом, снова затряс головой, попытался идти опять, всхлипнул, чуть не упал и вцепился руками в бушлат старшего лейтенанта. Замычал тяжело, снова и снова мотая головой и не сводя глаз с лица офицера.

– Я тебя не брошу, – не пытаюсь успокоить мальчишку, сухо, но при этом искренне, ответил Романов. Огляделся, кивнул на лестницу, на нижнюю широкую ступень: – Сядь там, я ногу посмотрю.

Мальчишка кивнул, заковылял к лестнице. Сел, завозился с кроссовкой, стащил ее, кривась и кусая губы. Романов подошел, пытаясь понять, что и зачем он делает, и одновременно зорко оглядываясь. Конечно, вряд ли кто-то придет на выстрелы. Но, с другой стороны, «кто-то» бывают разные... Девяносто девять – прочней припрут дверь. А сотый прибежит да и шарахнет вон оттуда, из-за парашюта, картечью.

Мальчишка между тем с трудом стаскивал носок. Потом неожиданно поднял на стоящего рядом офицера блестящие глаза, мигнул и потупился. Уши у него покраснели.

Романов понял, в чем дело. Носок буквально расползся под пальцами мальчишки. А нога цветом напоминала уголь. Впрочем, это не мешало разглядеть уже распухшую щиколотку. Старлей присел, взял в ужасе вытаращившегося мальчишку за ступню. Посмотрел ему в лицо – губы у спасенного дрожали, кривились.

– Если закричишь – брошу здесь, – предупредил Романов. – Понял? – Мальчишка кивнул. – Молчи.

Мальчишка зажмурил глаза – так, что веки мелко забились. И когда старлей коротким умелым рывком поставил на место сустав, только издал тихий стонущий звук. Еле-еле слышимый. Потом открыл глаза, искательно посмотрел на Романова.

– Ты молодец, – сам того не ожидая, сказал старлей.

Мальчик шевельнул уголками губ и коротко, быстро улыбнулся. Лишь на секунду.

Но Романов неожиданно ощутил какой-то теплый толчок в груди. Кивнул, распрямляясь: – Обувайся, вставай. Пойдешь осторожно. Нам спешить некуда... – закончил он. И неожиданно подумал непонятно для самого себя: а так ли это? Некуда? Или... – Понесешь рюкзак. И еще вот что... – он нагнулся, достал из рюкзака «ТТ». – Умеешь пользоваться? – Мальчишка помедлил, покривился, покрутил пальцами, потом кивнул. – Немного? – Снова кивок. – Все равно. Научишься. Это твой пистолет. Понял, Евгений Белосельский?

Мальчишка взял «ТТ», опустил в карман своей спортивной куртки – осторожно, но быстро. Поднялся, перекинул за плечи рюкзак и всем своим видом выразил полную готовность. Но теперь уже Романов остановил его:

– погоди. Слушай-ка... – И поднял ствол автомата, заставив нажатием руки мальчишку присесть за основанием лестницы. Тот сразу опустился на колено и достал пистолет. Положил руку с ним на плоский срез перил. Чуть прищурился. В его движениях была злая решимость человека, который замучился убегать и бояться и наконец-то получил возможность дать отпор. Романову это понравилось.

Впрочем, он уже определил, что тревога, пожалуй, была напрасной. По звуку определил. А через какие-то полминуты над краем набережной показался угловатый черный борт бронетранспортера – БТР-80 с развернутым куда-то внутрь города длинным стволом крупнокалиберного пулемета. На броне сидели трое – в форме морской пехоты, они смотрели сюда, вниз, на пляж. В одном из них – сидевшем у башни с «РПК» на коленях – Романов узнал капитана Муромцева. Игорь Борисович был старше Романова лет на пять-семь. Он здорово «засиделся» в капитанах из-за угрюмо-неуживчивого характера – Впрочем, благодаря этому характеру он, разводясь три года назад с женой, сумел настоять на том, чтобы детей – шестилетнего тогда сына и трехлетнюю дочь – оставили с ним (они сейчас находились на базе). Временами Романов нет-нет да и думал, что Муромцева можно было привлечь в Систему. Но оставался верен своему правилу – не искать контактов «в реале» и рядом с собой.

Сейчас капитан смотрел оттуда, сверху, на пляж, трупы на нем, лестницу, Романова и мальчишку. Двое солдат-контрактников тоже смотрели, и старлей кивнул мальчишке:

– Пошли, это свои. Доедем как люди.

Мальчишка кивнул, но пистолет, хоть и убрал в карман, продолжал держать в руке – куртка оттопыривалась. Они зашагали вверх по лестнице. Все это время, пока они поднимались, Романов ощущал на себе пристальный взгляд Муромцева.

Они остановились около передка боевой машины. Мальчишка тяжело сопел, исподлобья рассматривая БТР и сидящих на нем людей. Романов молчал. Сам не зная почему.

И наконец...

– Послушай, – сказал Муромцев, спрыгивая с бронетранспортера и становясь перед сослуживцем. – Вот что, Коль... – Капитан покачался с пятки на носок. Повторил: – Вот что... Пожалуй, бери-ка ты командование на себя. Ты, похоже, знаешь, что надо делать. Или хотя бы думаешь, что знаешь. У нас-то и мыслей никаких нет... ну надо же кому-то?

Глаза Муромцева были спокойно-умоляющие. Глаза человека, который попал в ад и готов сейчас сделать все, чтобы оттуда выбраться.

Глава 2

Власть: нагнись и подбери

*...Обрыдло быть
Этикеткой для голых задниц...
Нынче днем я зарезал всех,
Финку выправив на ремне,
Взял надежду сухим пайком,
Соль со спичками бросил в ранец...
Я готов отправляться в путь.
Все, что нужно, уже при мне...*

О. Медведев. Баллада о кроликах

Романов проснулся от тянущего опасливого ощущения – ощущения того, что в квартире он не один. По окну шуршали ветви – не унимался ветер, но было хотя бы солнечно, не то что вчера. Раннее утро. Это старлей отметил только краем сознания, уже сидя в постели с пистолетом на изготовку. Часы на тумбочке показывали пять, и он вспомнил, что в шесть назначено совещание.

Сейчас он вспомнил все. В том числе и кто ходит по кухне. Он же там и спал, в спальнике старлея. На диване, единственном в бедно обставленном служебном жилье спальном месте, им в любом случае вдвоем бы не уместиться. И Романов окликнул:

– Ж... Евгений!

Мальчишка всунулся в дверь почти мгновенно. Наверное, ждал, когда офицер проснется. С такой улыбкой, что Романов не удержал ответной. Но прежде чем он сказал, что собирался («Доброе утро!»), Женька вошел в спальню «целиком», показал, как пьет из чашки, и ткнул рукой на кухню.

– Чай?

Мальчишка кивнул и показал большой палец. На бедре у него косо была надета старая барсетка Романова со сломанной «молнией» – из нее торчала прямая рукоять «ТТ».

Старлей ничего не сказал. Что тут можно было сказать? Он сел, откинув одеяло, и строго спросил:

– Умывался?..

Женька умывался. Кажется, даже душ принимал – в ванне было сыро. Романов это отметил, когда чистил зубы и думал, что же он будет делать на совещании. И что делать в том случае – скорей всего, так и будет, – если на совещание просто никто не придет? Ну, может, кроме Муромцева. Который, кстати, запросто мог просто спать. Когда капитан подходит на набережной к старшему лейтенанту и предлагает ему спасти мир – это ж явно признак сумасшествия... Мысли были навязчивые и тяжелые. Он искренне обрадовался, когда вышел в столовую и снова увидел улыбку Женьки, который стоял около накрытого стола. С гордым видом. Хотя любая женщина бы удивилась, узнав, чем он гордится, – мальчишка просто вскипятил чайник, заварил чай и открыл упаковку галет из сухого пайка.

В пайке был и тюбик со сгущенкой. Романов увидел бело-голубой хвостик над краем мусорного ведра, стоящего сбоку от двери. Мальчишка проследил взгляд мужчины и, приоткрыв рот, тяжело задышал, глаза мгновенно наполнились ужасом, как будто закрутились темными водоворотами...

– Ты что? – Романов снова посмотрел на пустой тюбик и прямо спросил: – Тебя били за еду? – Мальчишка кивнул. Романов покачал головой: – Нет, я тебя не трону. Даже не думай.

Во всяком случае, не за сгущенку... Давай садись. Чаю мне налей и садись. Садись, садись за стол. И себе наливай. Садись, я говорю...

Чай был крепкий и сладкий – то ли Женька тоже любил такой, то ли догадался, что Романов любит именно так. Старлей пил чай с удовольствием, хрустел крекерами. Мальчишка сидел напротив и тоже ел – быстро, жадно, но довольно аккуратно. Он был одет в спортивный костюм Романова, который тот дал ему вчера, – с подвернутыми рукавами и целиком закрывающими ноги смешно завязанными штанинами, из-за чего штаны костюма делались похожими не то на клоунский наряд, не то на детские ползунки или колготки. Собственная одежда мальчишки – кроме спортивной куртки, которую старлей замочил вчера в ведре, – была пропитана грязью насквозь, и Романов выкинул ее в мусоропровод. Хорошо еще, что у мальчишки почему-то не оказалось вшей. Сейчас его промытые вчера и высохшие за ночь волосы были похожи на взлохмаченную светло-русую копну-гриву, и Романов подумал, что никогда в жизни не стриг никого, а работает ли еще в части парикмахерская – знать не знает... А еще вспомнил, сколько на мальчишке было синяков и жутких рубцов от ударов, кажется, палкой. И свежих, налитых кровью, и превратившихся в желто-бурые синяки... Кашлянув, офицер строго спросил не самое умное и тактичное:

– Почему ты не переодевался ни разу? Взял бы в магазинах...

Женька тут же вынул из бокового кармашка штанов блокнот и карандаш. Блокнот был дешевый, сувенирный, с эмблемой части, – наверное, мальчишка взял его из тумбочки, – а карандаш двусторонний «офицерский», красно-синий. Судя по всему, подготовился к такому «разговору»... Сейчас он вопросительно покачал блокнотом, и Романов кивнул.

Мальчишка открыл первую страничку, секунду подумал, тыча себя карандашом в нос, потом быстро написал – косым, довольно четким почерком, но с ошибками: «Все своровано. А где не своровано то стреляют».

Посмотрел на Романова, пододвигая ему блокнот, потом отдернул неожиданно, дописал еще строчку и почти силой сунул тонкую гибкую книжечку Романову в руки. Старлей прочел на белом листе: «Я с вами останусь. Не праганяйте. Можно?»

– Конечно, можно, – вздохнул Романов. Собственно, он произнес эти слова машинально, потому что удивился вопросу. То, что Женька останется, было само собой разумеющимся, ему просто не приходило в голову ничего иного.

Но мальчишка засиял...

Было тепло, совсем как и положено летом, тепло, хоть и ветрено. Что, впрочем, во Владике летом далеко не редкость и не странность. Плац пригревало, и Романов подумал на ходу, что, может быть, все не так уж плохо, и на самом деле... Но тут же вспомнил берег. И китов. И яркое пятно фотографии в молчаливой комнате.

Нет. Все плохо. Все, может быть, еще хуже, чем он может себе представить. Все, быть может, вообще подошло к концу. Но это не причина, чтобы сложить руки и умереть покорной скотиной.

Где-то вдали раздались выстрелы – несколько вперемешку. Потом еще один. Словно бы точку поставил в сомнениях.

Он прошел мимо КПП, где стояли часовые. Интересно, – подумал старлей, – а кто их туда ставит вообще? Лично он этим не занимался последнее время вообще. Так что, сами встают, что ли? Неужели сами?! Он задержался. Стоявший сбоку от двери сержант отдал честь – от этого его движения почему-то стало легче. Романов козырнул в ответ. Подумал о мальчишке в своей служебной однокомнатной квартире. Споткнулся – словно бы кто-то развернул перед его глазами где-то в мозгу стремительную ленту: сотни, тысячи, миллионы детских лиц. Сколько из них погибло уже? Сколько погибнет в каждую секунду его нерешительности, его бездействия?!

В! Каждую! Секунду!

Сколько он мог бы спасти, если бы еще вчера... месяц назад... если бы... «Всерьез возомнил себя спасителем Отечества, что ли? – раздался в мозгу насмешливый мерзкий голос. – Тупой летеха, ты просто тупой летеха, растерявший все, чего добился! Да и что ты сделал?! Собрал интернет-кучку бездельников, диванных спецназовцев, вравших тебе и самим себе о своих достижениях и балаболивших о «часе Ч» и «большом песце»?! Беги обратно и запри дверь за собой покрепче, в наступившем мире ты ничуть не сильнее и не лучше этого мальчишки – думаешь, ты его спас?! Отсрочил его гибель, и все! Потому что – все кончено! Прими это, идиот!»

– Заткнись, – процедил Романов вслух. И решительно, легко взбежал на крыльцо штаба бригады...

Офицеров в большой комнате для совещаний было около полусотни. В сущности, все офицеры бригады, кроме десятка в разное время сбежавших, такого же количества пьющих сейчас по квартирам и нескольких покончивших с собой, в том числе командира бригады, который застрелился сразу после приказа о капитуляции, еще до начала ядерной войны. И еще с десятков каких-то незнакомых, кто-то во флотской форме даже... а двое в гражданском... Романову неожиданно стало страшно. «Я же взялся не за свое дело! – подумал он в ужасе. – Эти люди, они все смотрят на меня как на последнюю надежду, а я еще вчера собирался застрелиться и совершенно не знаю, что я могу сделать, чем помочь!»

Муромцев – с автоматом на бедре (впрочем, то или иное оружие было у всех присутствующих) – пожал Романову руку, кивнул на стол у торцевой стены под зашторенной картой и бессмысленными ныне портретом и гербом:

– Давай, – сказал он тихо. – Я с тобой. И еще люди, я с ними говорил. Давай. В общем, спокойно, решительно и последовательно. Или сейчас – или все.

Романов кивнул, прошел к столу, оглядывая собравшихся с этой непривычной точки, – обычно он сидел вместе со всеми, сейчас он оказался один перед всеми. И эти все – ждали. Кто-то непонимающе, кто-то с надеждой. Но все ждали его. Его слов. И морпехи. И другие военные. И оба гражданских ждали.

Гражданские были примечательными, кстати. Один – одетый в безукоризненный рыжеватый твидовый костюм-тройку седой густоволосый старик; старик, но вовсе не дряхлый, огромный, крючконосый, с лохматыми бровями над блекло-серыми, но пронзительными, как рентген, глазами. Второй – напротив, молодой мужчина, даже, можно сказать, парень – был в кожаной куртке, черных джинсах и туристических берцах, длинные волосы убраны под плетеную кожаную повязку с каким-то тиснением. Романов не любил таких людей – как правило, у них обнаруживались тяжелые сдвиги в психике. Но, поймав взгляд этого парня, поменял мнение – тот смотрел пристально и цепко-оценивающе.

– Цивилы – кто такие? – тихо и быстро спросил Романов у Муромцева, который встал сбоку от стола. Сам он сел, ощутив какую-то глупость своего положения в этом кресле перед этой аудиторией. Но Муромцев сообщил как ни в чем не бывало:

– Профессор РАН Лютовой, Вадим Олегович. Он давно не у дел, почетный гражданин Владивостока и т. д. и т. п. Его вообще власти не любят, уж больно он советско-тоталитарной заквасочки, просто у старика мировое имя, как ни каркай – не заглушишь... Ну и ровесник века он, можно сказать, ему скоро под сто лет... Приехал с дачи, ему кто-то из наших сообщил, не поленился. Кстати, и я у Вадима Олеговича тут уже несколько раз лекции слушал. В городе.

Романов удивленно поглядел на Муромцева – ему и в голову не приходило, что капитан мог заниматься такими делами, как слушанье в свободное время лекций какого-то профессора. Капитан же как ни в чем не бывало продолжал:

– А молодой – Славка Жарко, старший офицер байкерского клуба «Русский Восток». И еще – ты будешь смеяться – старший методист ГорОНО. Его тоже не очень-то любили – экстремист, пофигист, то-се, ой-ой-ой, Вячеслав Борисович Жарко на заседание ГорОНО запро-

сто может в кожанке прийти... Но уж больно для отдела полезный человек, конкурсов одних его питомцы выиграли кучу. Они с Вадимом Олеговичем хорошо знакомы, сегодня вон тоже вместе приехали.

– Странные люди начали собираться, – заметил Романов.

– Это еще не странные. Этих я пригласил. Если нормально все пойдет – поймешь зачем... Вот сейчас готовься – начнешь говорить, так на самом деле странное услышишь.

– А отец наш духовный где? – вспомнил старлей. И подумал, что этими вопросами он оттягивает Начало. Именно так и подумалось – с большой буквы.

– Отец Михаил? – Муромцев неприятно усмехнулся. – Так отче еще неделю назад в бега дернул. Видимо, Бога поехал искать по знакомству. Прогулял ты это событие...

Романов тоже pokrивился. Бригадного священника отца Михаила он не любил. Шумный громкоголосый поп был велеречив, назойлив и агрессивно-неумен, но, к сожалению, пользовался всемерной поддержкой командования и развернулся на этой ниве вовсю – читал лекции бойцам о том, что светоч истинной веры негасим и историческая миссия православной Руси – передать этот светоч Китаю. Рассказывал о «совершенно точных данных» по западным планам переработки тел погибших на войне в консервы для американской армии и навязчиво всучивал бойцам (в первую очередь срочникам, которые практически полностью зависели от расположения начальства) особые «нательные кресты морского пехотинца» по четыре тысячи рублей штука.

Почему-то воспоминание об этом породило в душе старшего лейтенанта толчок злости. Он поднялся с кресла, в которое только что опустился. Еще раз обвел всех взглядом. Упер в холодную пластиковую столешницу сжатые кулаки...

– Я старший лейтенант Романов. Большинство из вас меня знают, те, кто не знал, знают теперь. Я собрал вас здесь, чтобы...

– Начнем с того, что вы не имели права нас тут собирать, старлей! – поднялся, словно слова Романова воспринял как команду «Возражать!», высокий худощавый подполковник Миронюк, зам по работе с личным составом. – На данный момент старшим по званию и по должности среди всех офицеров части являюсь я, и я...

На секунду у Романова перехватило горло. Два просвета и две звездочки внушали ему уважение уже просто автоматически, согласно вошедшей в плоть и кровь субординации. Но это было именно секундное замешательство, и его никто не заметил. Когда же Романов снова заговорил, его голос звучал по-прежнему ровно:

– В таком случае вам следовало бы давно сделать то, что делаю сейчас я, давно, как только вы осознали необходимость действовать. Или вы осознали ее только сейчас, когда кто-то покусился на ваше старшинство? Именно оно должно спасти людей на территории базы? Накормить их? Дать понимание того, что следует делать? Старшинство в чине и его соблюдение является залогом общего спасения?

– Молчать, мальчишка! – Подполковник покраснел. – Я не знаю, для какой игры вы нас тут собрали, но я не позволю...

В следующий миг капитан Муромцев выстрелил из автомата – прямо через ряды, над головами сидящих. Все разом повскакали (остались сидеть только оба гражданских и офицер из береговой обороны), начался шум. Следующий выстрел, точнее короткую очередь, Муромцев произвел в потолок, и в наступившей зыбкой тишине Романов заговорил снова, мельком поглядев на вытянувшееся в проходе тело убитого и так же мельком удивившись тому, что ничего не ощущает:

– Я уже давно каждый день хожу в город. Город вымирает. В городе банды охотятся за людьми. Мы еще месяц назад могли взять город и его окрестности под контроль и спасти десятки тысяч человеческих жизней. Мы **могли** это сделать. Вместо этого мы сидели в обороне и разлагались, радуясь тому, что у нас спокойно. Понимаете, пока мы трескали тут запасы

со складов ПФС, Владивосток превратился в смесь бандитского притона с кладбищем и сумасшедшим домом. Я не знаю, будет ли дальше улучшение или станет только хуже... – Краем глаза Романов отметил, как пошевелился профессор – словно хотел что-то сказать... но промолчал. Только смотреть стал еще пристальней, жестко, словно упирался двумя стальными холодными прутьями... – Но я знаю точно – я намереваюсь не допустить дальнейшей вакханалии. Здесь. В городе. И... и везде. Понимаете? **Везде**. Как? Я не знаю. Какими силами? Я не знаю. Что я намерен делать? Я не знаю, черт побери! – Романов чуть наклонился вперед (кулакам, косточкам сделалось больно, эта боль немного успокоила, и он говорил уже размеренней). – Я знаю только то, что мы – организованная вооруженная сила. Не худшая часть кадровой российской... **РУССКОЙ** армии. И если еще хоть кто-нибудь попытается завести разговор о субординации и чинопочитании ранее, чем я закончу говорить... а, заведя такой разговор, не будет знать, что сказать, кроме этого... я застрелю такого уже сам. Сейчас буду говорить я. Когда я замолчу и кто-то сможет предложить что-то лучшее и будет готов этим заняться, я сяду в зале и буду слушать его. Даже если это лейтенант-комвзвода. Но никакого пустопорожного трепана и никакого меряния погонами и звездами я не потерплю.

– Вы застрелили человека, – сказал упрямо один из офицеров, старший лейтенант Белюков.

– Пока он рассказывал нам о субординации, в городе убили, наверное, еще нескольких людей. Может, детей. Стариков. – Романов не повернул голову в сторону возразившего, и тот промолчал. – Ваше молчание я расцениваю как готовность выслушать меня... Нет. Не **подчиняться** мне. А именно просто **выслушать**. **Пока** выслушать. Просто потому, что если мы немедленно не начнем действовать, то нам конец. Рано или поздно – конец. Послушайте меня. Просто послушайте.

Он глубоко вдохнул и начал говорить...

– ...В нашем распоряжении морская пехота – 165-й полк пехоты, 84-й отдельный танковый батальон, 1484-й отдельный батальон связи. – Романов ощущал, как, словно в дикую жару, по спине катится пот. Он почти не помнил, что говорил в предыдущие четверть часа. Но его слушали. Слушали не перебивая. И в молчании зала не было ни страха, ни возмущения, ни насмешки. Только внимание. – Вдобавок в поселке Славянка расквартирован 59-й отдельный батальон морской пехоты. Я вижу здесь представителей флота, частей береговой обороны, войск ПВО и городской комендатуры... Думаю, что и в их распоряжении находятся значительные силы. Жаль, что никого нет от ВВС и сил космической обороны...

– Разрешите? – поднялся плечистый капитан первого ранга. В парадной форме, с кортиком на золотом рубчатом поясе. – Каперанг Юрзин, откомандирован сюда... да никем не откомандирован, представляю самого себя и свой корабль. Но у меня есть точная справка.

– Мы вас слушаем, – кивнул Романов. Юрзин кашлянул, заложил руки за спину, качнулся с пятки на носок...

– С Камчатской флотилией связи нет и не предвидится. По данным разведки флота, которые успел передать отдел, на территории полуострова разорвалось семь боеголовок... так что едва ли мы оттуда получим что-то утешительное. Все уцелевшие корабли после столкновений и атаки баз Фокино, Малый Улисс и Советская Гавань сейчас находятся в гражданском порту Владивостока. – Капитан первого ранга начал четко перечислять: – Это ракетный крейсер, два больших противолодочных корабля, два малых противолодочных и два малых ракетных корабля, девять ракетных катеров, пять базовых тральщиков, большой десантный корабль, ракетный подводный крейсер, одна атомная торпедная и одна дизельная подводная лодки, двадцать три вспомогательных судна. Горючего мало, экипажи неуккомплектованы, в лучшем случае – на 50–60 %, в среднем – на 25. Мой корабль боеготов полностью. Кроме того, во Владивостокском порту скопилось множество самых разных гражданских судов нескольких государств. Их охраняют сами команды, на большей части порта хозяйничают мародеры. Обидно будет

все это потерять. Сейчас во всей этой технике по ее прямому назначению смысла, похоже, нет... но в будущем, я хочу надеяться, она вновь пригодится. Да и, кроме того, это просто приборы, боеприпасы, мощное вооружение... металл, наконец. Просто металл, если уж на то пошло. Поэтому, несмотря на то что Владивосток властью практически не контролируется, я считаю нужным сохранить порт. Любой ценой. Практически уверен, что людям, которые остались на кораблях, не хватает только прямого и твердого руководства. Весь балласт уже сплыл. Я закончил.

– Это более походило на доклад, – заметил Романов.

Уже начавший садиться Юрзин выпрямился снова и пожал плечами совершенно не военному:

– Это и есть доклад. Вы были правы – вы начали первым, до вас никто на это не осмелился, посему я считаю вас своим командиром. – Он перевел дыхание и жестко продолжил: – Можете носить и дальше свои звездочки, можете пришить маршальские или вовсе спороть погоны – для меня уже ничего не изменится.

Он сел.

– Я могу прямо сейчас представить такую же справку... – Майор-пэвэошник начал подниматься, но Романов остановил его поднятой рукой:

– Секунду. Пожалуйста, секунду. Я очень прошу сейчас кого-нибудь подняться сюда и заменить меня, – Романов обвел всех на самом деле просящим взглядом. – Потому что вот это, вот сейчас, вот здесь – рубеж. За ним я поволоку воз и впрягу вас всех. И отказ впрячься я буду расценивать... – Он не договорил. – В общем, я очень прошу кого-то из вас заменить меня. Не по званию. По желанию ДЕЛАТЬ и уверенности в том, что он СДЕЛАЕТ...

Стало тихо. Щелкали высокие напольные часы в углу помещения. Романов подождал, пока вычурная секундная стрелка не произведет тридцать скачков, и кивнул майору:

– Извините. Я вас слушаю...

Комната для совещаний начала пустеть еще в процессе разговора. Люди выходили, получив задания – конкретные и четкие, спасительные для офицера. Романов, мысленно прикидывая, что и как, с облегчением подумал, что, похоже, людей на первое время хватит. А что делать потом... Эту мысль он оборвал, потому что продолжать ее было просто-напросто страшно. Он не знал, что делать потом. В голове толкся, бился, вопил и метался клубок перепутанных мыслей, над которым царствовала одна и наиболее громкая: надо немедленно начать печатать собственные деньги, и обязательно с портретом Хабарова. Отделаться от мысли не получалось, оставшиеся люди уже разговаривали между собой – очень по-деловому, – и Романов ощутил себя настольным бюстиком. Ощущение было тоскливым, и неизвестно, во что бы вылилось, если бы не подошедший (он куда-то выходил, Романов даже не понял куда) Муромцев.

– С тобой мэр хочет увидеться, – сообщил капитан. – Настаивает на встрече. Чем скорей, тем лучше.

– А у нас есть мэр? – искренне удивился Романов, радуясь уже тому, что удалось отпихаться от суматошных воплей в голове.

– Представь себе – есть. Маркевич Илья Данилович. И он просто жаждет с тобой поговорить... – Муромцев чуть нагнулся, магазин автомата царапнул стол. – Возьми с собой людей. Я не знаю, кто ему донес о твоей инициативе, но я тебе скажу – мэр человечийско дерьмовый. Подогнать «уазик»?

– С водителем, – решительно сказал Романов, вставая. Кажется, Муромцев хотел что-то сказать про сопровождение (видно было по лицу), но Романов опередил его: – И я еще тебя прошу. Зайди ко мне, там мальчишка... Женька. Скажи, чтобы не беспокоился и отдыхал. Сделаешь?

– О чем разговор? – Муромцев кивнул. – «Уазик» сейчас будет.

Выйти сразу за капитаном, как намеревался Романов, не получилось – перехватили сразу двое: один вопрос касался семьи Миронюка, другой – караульной службы на территории части. Когда Романов все-таки добрался до двери, его остановил профессор Лютовой:

– Понимаю, что сейчас у вас нет времени, – у профессора был хриплый, прокуренный баритон тем не менее приятного тембра, – но все-таки я настоятельно прошу вас уделить мне время вечером. – Лютовой смотрел в упор – как целился. В его глазах и самом взгляде не было ничего старческого. – Поверьте, что это очень важно. Иначе я бы остался спокойно сидеть на своей даче и ждать финала. Любого. У вас найдется время вечером.

Это был не вопрос. Утверждение. Романов взглянул на профессора и неожиданно предложил:

– Хотите подождать у меня дома? На квартире? Вас проводят. Там, правда, мальчик, и он... немой. В смысле, не говорит, – поправился офицер. – Но, может быть, вы поговорите с ним за двоих?

– Я подожду. – Губы профессора неожиданно тронула улыбка. – До встречи. Я рад, что не ошибся.

Он никак не объяснил эти слова – просто странным жестом тронул висок кулаком и вышел. А Романов гадал над ними до того самого момента, пока около стоящего возле крыльца «уазика» с нахохленным за рулем сержантом (на коленях его лежала «ксюха»⁴ с длинным пулеметным магазином) не увидел второго гражданского – как его... а, Вячеслав Борисович Жарко! Кстати, оказалось, что на модном поясе – широком, кожаном, с тяжелыми металлическими пистонами и пряжками – у методиста-байкера висит в украшенной бахромой кобуре обрез двустволки. Скрестив руки на груди, Жарко дождался, пока Романов подойдет ближе, и кивнул на машину:

– Я знаю, что вы хотите ехать один. Но у меня просьба – может быть, вы все-таки не откажетесь от попутчика-цивила?

Он склонил голову чуть набок, молча рассматривая офицера. Волосы у Жарко были длинные, русые, на концах – чуть завивающиеся, ногти на пальцах скрещенных на груди рук ухоженные, кажется, даже отполированные. Но взгляд учителя-мотоциклиста оказался пристальным, оценивающим... И Романов неожиданно для самого себя кивнул:

– Едемте.

– Отлично. – Жарко ловко уселся на переднее сиденье. – Кстати, не обессудьте – за воротами ждет моя братия... я им махну, чтобы ехали тоже, или пока отпустить?

«Уазик» уже выруливал через открывшийся шлагбаум, и Романов увидел «братию». Неподалеку сидели на мотоциклах – изваяниями из черной кожи – человек десять байкеров. На виду у всех было оружие, серьезные охотничьи полуавтоматы, опять же, незаконные обрезы двустволок... Бензобаки мотоциклов украшал черно-желто-белый с белой окантовкой круг с бегущим над ним красным волком.

– Нет. Вы можете ехать со мной... – Романов вовремя осекся, не начав говорить «потому что» – он и сам не знал «почему». – Но только вы.

– Хорошо, – неожиданно покладисто ответил Жарко и, быстро приопустив стекло, сделал какой-то знак ладонью. Разом взревели мотоциклы и, мгновенно выстроившись в занявший всю дорогу клин, унеслись в противоположном направлении.

– Вообще-то это чистая трата бензина. – Жарко снова повернул ручку, возвращая стекло на место, сел вполоборота к Романову. – Но от старых привычек трудно отвыкать. Хотя, наверное, придется.

– Станный вы человек. – Романов тоже устроился удобней. Ему стало на самом деле интересно. Кроме того, разговор позволял отвлечься от назойливых мыслей на тему «о черт,

⁴ Автомат «АКСУ-74».

что же дальше дела-а-ать?!». – Старший методист ГорОНО. Байкер. Да еще и знакомый этого профессора. Не думаю, что вы интересуете его как педагог или мотоциклист...

– Ну, тут нет ничего странного. – Жарко, кажется, тоже настроен был поболтать. – Пару веков назад никого не удивляло, что один и тот же человек пишет стихи «про баб», служит дипломатом и шпионом при чужеземном дворе, лихо машет саблей и сочиняет трактат по физике. Потом это, к сожалению, почему-то стало считаться невозможным.

– Сложная специализация... – глубокомысленно начал Романов и удивленно дернулся, когда Жарко его непринужденно перебил:

– Простая лень мозга. Взять, к примеру, вас. Ваша бригада несколько недель сидит неподвижно посреди разброда и разгула всякой дряни, парализованная внушенной вам нелепой мыслью, что в «нормальном обществе» военные не лезут в гражданскую жизнь. В результате бригаду берет под командование решительный летеха, и под его руководством все бодро бросаются спасать мир.

– Похоже на Ксенофонта⁵, не находите? – спросил Романов, которому только сейчас пришла в голову эта позабавившая и смутившая его мысль. Брови Жарко высоко прыгнули под волосы, он непонятно сказал:

– Извините... – И продолжал уже о другом: – У нас в клубе было сорок семь человек. Когда началась вся эта заваруха, мы долго не думали, оккупировали здание школы, где я когда-то начинал преподавать. Перевезли туда семьи, кстати – захватили бензоколонку рядом... А сейчас там у нас больше тысячи народу, две трети – женщины и дети. Что-то вроде коммуны. Кстати, я с мэром-то разговаривал. Но не хватило, так сказать, сил для морального давления... Учтите, он дерьмо. Но злобное и хитрое. И вы ему нужны...

– Ему нужен не я, а бригада, – задумчиво сказал Романов. – Я не виделся с ним ни разу, поверите? Поэтому подождите – я сам составлю о нем мнение. Поверьте, я вовсе не хочу того, что начал делать. Не хочу, – с силой, хотя и негромко, повторил Романов, и Жарко кивнул. И молчал до самого поворота к мэрии, разглядывая залитые резким солнечным светом улицы, мелькавшие за окном. Свет только оттенял отчаяние и разорение, царившие там. Яркие вывески и рекламы казались издевательством над людьми. Собственно, – подумал Романов, глядя, как в конце проспекта вырастает высокое прямоугольное девятиэтажное здание, больше похожее на старинную крепостную башню, – это и было издевательством. Всегда...

Площадь перед мэрией по периметру была окружена баррикадой из мешков с песком и бетонных реперов, а также цепочкой «ежей» из обрезков рельсов. Единственный въезд перекрывал тоже сложенный из мешков капонир, в котором стоял на широкой треноге невесть откуда вытасченный «ДШК». На площади находилось десятка три полицейских – с оружием, в основном все с теми же «ксюхами», они хаотично слонялись туда-сюда и выглядели скорей неуверенно-пришибленно. Но тем не менее это были вооруженные люди, худо-бедно умевшие со своим оружием обращаться и явно подчинявшиеся мэрии. «Интересно, а где местный ОМОН? – вдруг задумался Романов. – Отряд-то во Владике был неплохой и немаленький...»

К остановившемуся «уазику» тут же – явно предупрежденный заранее – подбежал один из полицейских – с погонами майора, в криво сидящем бронежилете, с пистолетом в новенькой кобуре, посаженной так, что быстро достать оружие было просто невозможно. Что-то забормотал, явно думая, что вежливо и в то же время твердо приглашает Романова «пройти» – понять на самом деле это можно было только по судорожным телодвижениям. Глаза у майора остано-

⁵ Ксенофонт (ок. 434–359 до н. э.) – греческий историк и философ, сын Грилла, из богатой всаднической семьи в Афинах; в 401 г. поступил на службу к Киру Младшему. После смерти Кира и вероломного убийства греческих военачальников персами руководил удачным отступлением греков через вражескую землю. В своей книге «Анабасис» Ксенофонт (от третьего лица), в частности, с большой силой и реализмом описывает чувства, владевшие им в ночь перед тем днем, когда он принял командование над растерянной и готовой сдаться армией. Среди них превалировало понимание, что нужно что-то делать для спасения, все ждут этого, но боятся сделать первый шаг, и он, Ксенофонт, должен принять груз ответственности на себя.

вившиеся, полные застывшим изумлением, недоумением и ужасом. Он до такой степени походил на оживленный заклинаниями труп, что Романов передернулся и поспешил к мэрии.

– Мы тут подождем, – сказал вслед Жарко. И, кажется, зевнул...

Оказавшись внутри, Романов слабо удивился – в здании было светло, тепло, чисто. Очевидно, работали генераторы. Впрочем, удивился именно слабо и без гнева. В конце концов, у них в части тоже было совершенно так же. Может быть, люди просто не знают, что делать, и стараются хотя бы вокруг себя сохранить порядок.

Удивительней было другое. Во всех кабинетах шла напряженная работа. Гудело, трещало, шелкало, слышались распоряжения, носили какие-то бумаги, на каждом лице написана деловитость. Он бы даже поверил в это, если бы не две вещи. Первая – он видел город и то, что в нем творится. Вторая – он несколько раз заглядывал всем этим занятым людям, попадавшимся ему в коридорах, в глаза.

И видел там пустоту. Система привычно обслуживала саму себя, убедив себя же в том, что ничего особенного не происходит.

Все было ясно. И вряд ли от предстоящего разговора чего-то стоило ожидать.

Около открытой двери одного из кабинетов высокий худощавый капитан-полицейский разговаривал с молодым, но уже лысоватым, бесцветным каким-то, однако исполненным собственной значимости, чиновничком. Романов приостановился, уловив слово «автоматы». Капитан просил оружия для отряда самообороны.

– Да вы поймите, наконец, – пять соседних дворов. Двадцать домов. Больше пятнадцати тысяч человек. У нас даже школа готова в сентябре начать работать, честное слово! Тепло даем, свет даем по пять часов в сутки! Но у дружинников только охотничье. А вы знаете, какие сведения? Склады мобрезерва на юго-западе разграблены, оружие по рукам разошлось, и какое оружие! Это ведь рано или поздно все незащищенное дограбят – и пойдут искать... Пятьдесят автоматов...

– Послушайте, вы понимаете, о чем вы вообще просите?! – В голосе чиновничка был ужас. Капитан умолк, непонимающе на него глядя. – Раздать оружие людям! Фактически поддержать незаконное самовооружение! Нет, нет и нет! Есть установленный порядок. Мы не имеем права, мы не будем поощрять подобный бандитизм! – И, воспользовавшись тем, что капитан отшатнулся от него, как от заразного больного или, верней, сумасшедшего, проскочил в кабинет и захлопнул дверь.

Полицейский протянул было руку, но потом ожесточенно плюнул на чистый пол, шепотом выматерился и пошел прочь по середине коридора. С ним Романов тоже столкнулся взглядом – у капитана были глаза человека из иного мира. Этот мир начинался сразу за ограждением по периметру площади, но в мэрии о нем ничего не знали... Нет. Не то. **Не хотели знать**, это иное.

«Ну ясно, – спокойно подумал Романов. – От этого и начнем плясать. Только еще кое-что глянем...»

В роскошной приемной кроме молоденькой, лет шестнадцати, не больше, секретарши за столом сидели еще двое молодых мужиков в костюмах, похожих на витринные манекены. «А вот вас, ребята, жалко», – машинально подумал морпех, останавливаясь. Один из них заступил Романову дорогу, требовательно протянул руку (Романов пожал плечами, снял ремень и портупею с пистолетом, передал), второй обхлопал по одежде – старший лейтенант не сказал ни слова, только кивнул в ответ на слова секретарши: «Илья Данилович вас ждет!» – и вошел в большой, по-деловому обставленный кабинет.

Мэр поднялся навстречу с улыбкой – из-под портрета... **Сталина**, висевшего точно над его креслом. Вокруг портрета была видна на стене заметная более темная «рамка» – видимо, еще недавно тут висел более крупный по размерам портрет президента, и Романов подумал,

что, наверное, мэр и сейчас хранит в сейфе комсомольский билет, а то и партийный от КПСС – на всякий случай. Нет, скорей всего, только комсомольский – для партии молод...

Маркевич между тем уже успел потрясти Романову руку – с улыбкой – и, пригластительно-повелительным жестом указав на одно из кресел, прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Сказал несколько фраз о постигших страну несчастьях, о своей роли как хозяина города. Фразы были пустые, гладкие, похожие на толстых ленивых рыб. Романов ждал – без улыбки, спокойно не отпуская мэра взглядом, и видел, что Маркевич от этого нервничает. Наконец мэр остановился напротив, уперся в стол широко расставленными руками, наклонился...

– По моим сведениям, вашими усилиями в бригаде сегодня утром наведен должный порядок, – сказал он. – Это отрадная новость. Крайне отрадная. Мы ждали чего-то подобного от офицеров, верных долгу... присяге, так сказать... ждали и верили, да-да... Я бы хотел предложить вам взаимовыгодное сотрудничество. Ваша бригада – просто неоценимый клад для нас...

«Сейчас, – подумал Романов и внутренне напрягся. – Сейчас все решится. Пожалуйста, скажи то, что должен сказать. Я не злодей, я не хладнокровный убийца. Я не хочу. Скажи. Будь ты человеком, слышишь?!»

– ...Я бы хотел просить вас перебросить сюда, к мэрии, пару сотен бойцов. Желательно – лучших. Для защиты законной власти в нашем лице. У нас мало людей, еще меньше – надежных людей. Безвластие и хаос в случае, если с нами...

Короткого широкого клинка тычкового стилета с бритвенно-острыми кромками вполне хватило, чтобы перерезать Маркевичу сразу обе коронарные артерии и гортань. Никак отреагировать на действия старшего лейтенанта он просто не успел. Свистнувшая кровь долетела алым веселым дождем до противоположной стены.

– Быг, – утробно сказал Маркевич и умер. Потом завалился на стол, по которому во все стороны потекло вишневое, а со стола сполз на пол. Как-то расслабленно-мягко, словно кусок теста. И бесшумно – ковер был дорожный, просто роскошный, глубокий, как трава на поляне.

Романов вытер клинок о какие-то бумаги, усмехнулся. Убирая оружие в пояс, подошел к столу, наугад выдвинул несколько ящиков. Во втором сверху оказалось искомое – пистолет, понтовая хромированная «беретта-92». Собственно, можно было бы и без него обойтись, но лучше – с ним. Старший лейтенант сунул пистолет в берет, еще раз посмотрел на лежащий у стола труп и вышел в приемную.

На то, чтобы застрелить охранников, понадобилось какое-то мгновение. Они упали со стульев, на которых сидели, как подстреленные вороны с жердочек, – и тому и другому пули попали в лоб, почти точно меж глаз. Уронив дымящийся берет, Романов повернулся к приставшей секретарше и тихо сказал:

– Сестренка, только не кричи. Я тебе ничего не сделаю.

Девушка опустила голову. Видимо, тон был найден верно, а слово «сестренка» как-то ее успокоило. Стиснув руки где-то под столом (не на кнопку ли давит? Нет, похоже), секретарша тихо попросила:

– Пожалуйста... не убивайте меня...

– Я же сказал – не убью. – Романов прислушивался. Снаружи все было спокойно, видимо, шум важной работы по переливанию из пустого в порожнее заглушил выстрелы, и без того смазанные беретом. – Я бы и их не стал убивать, но... У тебя родные есть?

– Брат... младший. – Девушка продолжала тискать руки под столом.

– Где он?

– Тут, в подвале... тут у всех семьи, кто здесь работает... там много места и запасы большие... господин офицер...

– Какой я тебе господин... – Романов подошел к двери, запер ее тихо. Девушка следила за ним полными ужаса глазами, потом быстро сказала, вспомнив другое слово:

– Товарищ офицер, товарищ командир... пожалейте нас... мы с Алькой детдомовские, ему всего десять... Илья Данилович мне его взять разрешил сюда, если я... он сказал, что, если я... то он Альку выбросит... – Губы девушки задрожали. – Как щенка, он сказал... а меня все равно...

– Тихо! – Романов подошел к столу, посмотрел на бедж на груди девушки. – Вот что, Оля. Ты мне сейчас поможешь. Я думаю, что все-таки все будет хорошо и никто никуда твоего Альку не выбросит. И тебя тоже больше никто не обидит. Но ты мне должна помочь.

– Я... – Девушка стиснула руки перед грудью. – Я боюсь.

– Ну и что? Я тоже боюсь.

Недоверчивый взгляд:

– Вы?

– Угу.

– Хорошо. Я помогу. А Илью Даниловича вы убили?

– Угу.

Девушка на миг прикрыла глаза, потом кивнула решительно:

– Я помогу. Что надо делать?

– Ну, во-первых, открой мне балкон и включи громкоговорители. И одновременно внутреннюю связь по кабинетам. Сможешь? Работают они?

– Да... конечно. – Она встала, подошла к большой двери. Оглянулась на офицера, щелкнула фиксаторами, снова вернулась к столу, набрала что-то на компьютере.

Романов, следивший за нею, уточнил:

– Компьютеры работают все?

– Да, даже внутренняя сеть есть. – Секретарша перевела дыхание. – Когда взорвалось, ну, те бомбы, то которые компьютеры работали – те сгорели. Но тут запасных много было... А что вы собираетесь делать?

– Оля, давай договоримся так – ты ничего не спрашиваешь... и не пытаешься бежать сейчас, когда я буду занят. Нет, я не буду в тебя стрелять и даже догонять не буду. Просто глупо.

– Я не буду убегать... А что мне еще делать? Ой! Но я же должна знать...

– Пока посиди. Убитых не боишься?

Она покачала головой.

– Тогда просто сиди. И запомни – не бойся.

Секретарша кивнула. Сказала:

– Микрофон там в балкон встроен. В перила посередине. Вы увидите...

Романов вышел наружу...

Над городом светило солнце – ярким тревожным диском на ясном, на каком-то... каком-то **совсем не летнем** почему-то небе. Но город все равно казался серым, и серым был видный сбоку вдали океан. Старший лейтенант окинул взглядом ближние кварталы. Чуть поодаль даже медленно ехала куда-то машина.

Романов перевел взгляд на площадь. Сделал еще шаг и, сняв с микрофона на фигурных перилах непромокаемый чехол, негромко сказал:

– Прошу внимания... – Своего голоса из динамиков он не услышал, но на площади все зашевелились. – Говорит Романов. Только что мною за неисполнение своих должностных обязанностей был убит господин Маркевич.

Ага, зашевелились активней... Несколько человек побежали к входу... а пулеметчики в капонирах неуверенно, но взяли на прицел «уазик». Романов усмехнулся:

– Прежде чем кто-то из вас совершит глупость вроде стрельбы, хочу предупредить, что, если через пятнадцать минут я не передам в бригаду кодовое сообщение – вот с этого бал-

кона фонариком, – мэрия и площадь будут скрыты с лица земли. Сюда нацелены две установки «Град». Старые. Но надежные, поверьте. Всем оставаться там, где кто находится сейчас. Это приказ.

Он сам удивился тому, как звучит его голос. И – не удивился тому, что площадь замерла. Позади в дверь приемной вроде бы настойчиво стучали... но тут стук как раз оборвался.

– Оружие – все оружие, имеющееся на руках у находящихся в мэрии и на площади, – будет сдано людям около машины «УАЗ», стоящей на въезде на площадь. Если к концу дня при досмотре будет обнаружен на руках хотя бы один ствол – расстрел на месте. Прошу всех понять – власть переходит в руки... – Он на долю секунды задержался и продолжал; эту задержку, наверное, заметил он один, и он один знал, чего она стоила и о чем он успел подумать в этот кратчайший миг: – Большого Круга Русской армии. Сейчас обращаюсь к находящимся на площади служащим полиции. Начинайте сдавать оружие. Сдавшие отходят к памятнику Ленину и ждут. Внутри здания всем оставаться на местах до особого распоряжения. Вячеслав Борисович, принимайте стволы, пожалуйста. Сержант, поезжайте в часть, жду вас через полчаса со взводом.

– У нас в подвалах семьи! Какие вы даете гарантии?! – крикнул кто-то снизу. Там, на площади, теперь все видели его, все смотрели на балкон. Уже не только полицейские, из здания высыпало и продолжало выходить немало народу.

– Никаких – ни вам, ни вашим семьям, – отрезал Романов. – Могу гарантировать только беспристрастное разбирательство по каждому из вас – кто, как и зачем жил, что делал тут. Устраивает ответ?

Снизу промолчали. Но первые люди уже складывали оружие рядом с Жарко. Он стоял у капонира, широко расставив ноги, руки – на бедрах, и в его позе не было рисовки. Всем стало ясно, что «процесс пошел» и уже неостановим. «УАЗ» отъехал, и Романов вдруг увидел того капитана, который просил автоматы, – он, оказывается, не ушел, стоял как раз за машиной.

– Товарищ капитан, – сказал Романов. – Я не знаю, кто вы, прошу простить. Вот вы разговаривали десять минут назад насчет автоматов для самообороны... – Немного смешно было видеть, как капитан закрутил головой, потом ткнул себя в грудь. – Да-да, вы. Я очень прошу вас зайти сейчас в кабинет мэра, я вас буду ждать. Пока все. Надеюсь на понимание.

Он выключил микрофон и вернулся в кабинет. Сел на диванчик у стены и кивнул секретарше:

– Оля, откройте дверь... – В коридоре оказалось пусто, как он и ожидал. – И еще вот что. Я сейчас буду передавать световое сообщение. А вы тем временем соберите на совещание через пятнадцать минут всех начальников отделов. Ну или как они там у вас называются. Всех. Сможете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.